

В. И. Ленин (Ленин)

Том 20

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин

**Полное собрание сочинений. Том
20. Ноябрь 1910 ~ ноябрь 1911**

«Public Domain»

Ленин В. И.

Полное собрание сочинений. Том 20. Ноябрь 1910 ~ ноябрь 1911 / В. И. Ленин — «Public Domain», — (Полное собрание сочинений в 55-ти томах)

В двадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в период с ноября 1910 по ноябрь 1911 года.

Содержание

Предисловие	6
1910 г.	15
Не начало ли поворота?	15
О демонстрации по поводу смерти Муромцева	17
Два мира	20
Л. Н. Толстой	25
Открытое письмо ко всем социал-демократам партийцам	28
Л. Н. Толстой и современное рабочее движение{33}	35
Письмо в российскую коллегию ЦК РСДРП{35}	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 20
Ноябрь 1910 ~ ноябрь 1911
Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета Коммунистической Партии
Советского Союза

Предисловие

В двадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в период с ноября 1910 по ноябрь 1911 года.

1910–1911 годы были переломными в общественно-политической жизни России. Полоса господства черносотенной реакции, наступившая после поражения революции 1905–1907 гг., подходила к концу. В массах нарастало брожение, крепло сознание необходимости борьбы с самодержавием.

Существенные изменения наблюдались в эти годы в экономике страны. После длительной депрессии, продолжавшейся до 1909 года, началось оживление в промышленности, перешедшее в 1910 году в промышленный подъем. Росла продукция важнейших отраслей промышленности, увеличилась концентрация производства и капитала. Вместе с ростом численности пролетариата возрастала и сосредоточенность его на крупных предприятиях.

Однако экономическое развитие России по-прежнему тормозилось сильными пережитками крепостничества. Все это обостряло социально-экономические противоречия, усиливало нарастание нового революционного кризиса в стране.

Не могли спасти царизм от надвигавшейся революции шаги, сделанные им на пути превращения России в буржуазную монархию, его попытки таким образом решить задачи, выдвинутые всем ходом развития страны по капиталистическому пути. Не оправдала надежд самодержавия III Дума, где главенствовал блок октябристов и кадетов – представителей крупного помещичьего землевладения и верхов торгово-промышленного капитала. Результатом столыпинской аграрной политики было разорение, обнищание многомиллионных масс крестьянства. Неурожай 1911 года повлек за собой голод, который охватил около 30 миллионов крестьян и обострил положение в деревне.

В статьях «Кадеты о «двух лагерях» и о «разумном компромиссе»», «Кадеты и октябристы», «О значении кризиса», «Столыпин и революция» и др., включенных в настоящий том, Ленин дал анализ социально-экономических процессов, происходящих в стране. Обострение классовых противоречий, дальнейшее поправление либеральной буржуазии, нарастание протеста среди масс – все это говорило о том, что столыпинская политика потерпела полный крах. «Столыпин пытался, – писал Ленин, – в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, *последнем мыслимом* для царизма пути» (настоящий том, стр. 329).

Глухое брожение, которое нарастало в демократических слоях населения, в середине 1910 года стало переходить в открытую борьбу. Первым выступает против царизма рабочий класс. Уже летом появились явные признаки оживления рабочего движения – значительно возросло количество стачечников, сами стачки стали приобретать все более наступательный характер. В 1911 году число рабочих, участвовавших в стачках, составило свыше 100 тысяч, т. е. вдвое больше чем в 1910 году; в 1912 году бастовало уже более миллиона рабочих. Вслед за пролетариатом поднялось крестьянство, активно выступая против произвола помещиков и кулаков.

Ленин, находясь в эмиграции, в Париже, внимательно следил за всеми проявлениями политической активности рабочего класса, за нарастанием общедемократического подъема в России. Произведения Ленина проникнуты глубокой верой в силы рабочего класса, в силы народных масс, снова поднимающихся на борьбу с самодержавием. «Не начало ли поворота?» – так называется его статья, написанная в ноябре 1910 года, которой открывается настоящий том. В статье «Начало демонстраций» Ленин писал: «Первое же начало борьбы показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г. и которые разрушат ее в этой грядущей революции» (стр. 75).

Ленинский прогноз полностью оправдался – стачки и демонстрации 1910–1911 годов были началом нового мощного революционного подъема.

Перед партией рабочего класса стояла задача возглавить нарастающий революционный подъем, который должен был привести пролетариат в союзе с крестьянством к победе буржуазно-демократической революции в России. Новая обстановка выдвигала перед партией задачи практического руководства революционной борьбой рабочего класса против царизма – стачечным движением, митингами и демонстрациями, агитацией в массах в предстоящей избирательной кампании в IV Государственную думу. Осуществить эти задачи – широко использовать все легальные возможности для укрепления связей с массами, для борьбы за интересы масс – можно было только решительно сплотив все подлинно партийные элементы в нелегальных партийных организациях.

Между тем партия переживала тяжелый кризис. К концу 1910 года окончательно выяснилось, что решения Январского пленума ЦК не выполняются ни ликвидаторами-голосовцами, ни отзовистами-впередовцами. Фракционная газета меньшевиков-ликвидаторов «Голос Социал-Демократа» продолжала издаваться. Мартов и Дан, входившие в редакцию Центрального Органа партии газеты «Социал-Демократ», срывали работу редакции, препятствовали проведению ленинской линии. Свое преобладание в Заграничном бюро ЦК РСДРП ликвидаторы-голосовцы использовали для того, чтобы мешать большевикам наладить работу центральных учреждений партии.

В России ликвидаторы, так называемые независимцы-легалисты во главе с Потресовым, на страницах своих журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни» объявляли нелегальную партию несуществующей, а задачу ее укрепления – «реакционной утопией». Голосовцы выступали с открытой поддержкой независимцев-легалистов и тем самым окончательно скатились на позиции ликвидаторства.

Впередовцы создали антибольшевистский центр в так называемой партийной, а по существу фракционной школе в Болонье. Они заявляли, что отзовизм является «законным оттенком» в партии и проповедовали антимарксистские философские взгляды.

Троцкий открыто вступил на путь раскола партии. Он провел в группке троцкистов за границей резолюцию с призывом созвать «общепартийную» конференцию помимо и против ЦК. Фактически уже к этому времени Троцкий сколачивает антипартийный блок ликвидаторов, отзовистов, троцкистов, окончательно оформившийся в августе 1912 года и получивший название Августовского блока.

Ленин в своей заметке «О краске стыда у Иудушки Троцкого» и в статье «О положении дел в партии» характеризовал Троцкого как предателя интересов партии, а его позицию как авантюру и в смысле идейном – объединение всех врагов марксизма, и в смысле партийно-политическом – обман рабочих фразами о возможности «дружной работы» с голосовцами и впередовцами, и в смысле организационном – подготовка созыва антипартийной конференции.

Партия в этот период фактически оказалась без руководящего центра. Меньшевики-ликвидаторы, избранные в ЦК РСДРП на V (Лондонском) съезде, отказались работать в Русском бюро ЦК и даже объявили само существование ЦК вредным. В марте 1911 года в связи с арестами в России членов ЦК – большевиков Русское бюро ЦК перестало существовать.

В обстановке тяжелого кризиса, который переживала партия, только большевики во главе с Лениным сохранили верность партийному знамени, возглавили борьбу за подлинное единство всех партийных элементов на принципиальной основе. Впоследствии, характеризуя значение этого периода в жизни партии, Ленин писал: «Два года после пленума, которые кажутся многим маловеерам или дилетантам в социал-демократии, не желающим понять дьявольской трудности задачи, годами никчемных, безысходных, бессмысленных склок, распада и развала,

были годами выведения на дорогу с.-д. партии из болота ликвидаторских и отзовистских шатаний» (Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 310–311).

В противовес беспринципному антипартийному блоку Троцкого с голосовцами и впередовцами Ленин выдвинул задачу укрепления блока большевиков с меньшевиками-партийцами.

С октября 1910 года в Париже начала выходить большевистская «Рабочая Газета», в которой принимали участие меньшевики-партийцы. Лениным был поставлен вопрос о необходимости возрождения легальной марксистской печати в России, развертывания на ее страницах борьбы за партию, против ликвидаторов, защиты идейных основ марксизма. В декабре 1910 года начали выходить – в Петербурге большевистская легальная газета «Звезда», в Москве – марксистский философский и общественно-экономический журнал «Мысль», Ленин из-за границы осуществлял идейное руководство этими органами. В них было опубликовано свыше 50 статей Ленина.

Оценка большевиками положения в партии дана Лениным во включенных в том «Открытом письме ко всем социал-демократам партийцам» от имени редакции «Рабочей Газеты», письмах в Российскую коллегию ЦК РСДРП, заявлении «В Центральный Комитет», в статье «О положении дел в партии» и др. Статья «О положении дел в партии» в целях широкого осведомления членов партии об антипартийных действиях ликвидаторов (голосовцев и независимых легалистов) и Троцкого была издана 23 или 24 декабря 1910 года (5 или 6 января 1911 года) отдельным оттиском из № 19 газеты «Социал-Демократ».

Ленин предпринимает решительные шаги по разоблачению фракционной, антипартийной политики голосовцев и впередовцев, по восстановлению центральных партийных учреждений. Большевики заявили, что они не считают больше себя связанными формальным единством с голосовцами и впередовцами, нарушившими решения Январского пленума ЦК. 22 ноября (5 декабря) 1910 года Ленин вместе с другими большевиками подал заявление в Заграничное бюро ЦК с требованием немедленного созыва пленума ЦК. Однако ликвидаторы, укрепившиеся в ЗБЦК, всячески противодействовали созыву пленума.

Полгода прошло в напряженной борьбе большевиков с ликвидаторами-голосовцами за созыв пленума. 28 мая – 4 июня (10–17 июня) 1911 года в Париже состоялось совещание членов ЦК РСДРП, находящихся за границей, созванное Лениным и другими большевиками помимо ликвидаторского ЗБЦК, сорвавшего созыв пленума. Из ленинского «Письма совещанию членов ЦК РСДРП за границей» видно, в какой напряженной обстановке оно созывалось, какую трудную борьбу по преодолению сопротивления ликвидаторов вынесли большевики. В документах, написанных перед совещанием, – «Конспекте (плане) доклада трех цекистов-беков частному совещанию девяти членов ЦК» и докладе о положении дел в партии (опубликован впервые в настоящем томе), Ленин показывает, что созыв совещания являлся единственно возможным и единственно правильным выходом из того тяжелого положения, к которому привела партию дезорганизаторская деятельность голосовцев, впередовцев и Троцкого. Задача партии, указывал Ленин, сплотить партийных рабочих в России для прямого выступления против независимцев-легалистов, для подготовки к выборам в IV Государственную думу и проведения в Думу кандидатур рабочих, сознающих опасность этого течения, начать немедленно работу по созданию Российской организационной комиссии для созыва общепартийной конференции.

В документах, связанных с работой совещания, отражена борьба Ленина за такое направление его работы, победа которого означала бы реальные шаги к объединению и сплочению партии. Материалы совещания в настоящем томе по сравнению с предыдущими изданиями Сочинений В. И. Ленина представлены значительно полнее. Впервые публикуются в томе протокольные записи восьми выступлений Ленина по вопросам о конституировании совещания и о созыве пленума ЦК, в которых Ленин дал отпор попыткам бундовца и голосовца сорвать совещание. Впервые включены в собрание Сочинений опубликованные ранее в 1933 году в

Ленинском сборнике XXV «Предложение к резолюции о созыве партийной конференции», в котором Ленин поставил вопрос о создании Российской организационной комиссии, и «Заявление» с протестом против допустимости участия голосовцев и впередовцев в Заграничной организационной комиссии по созыву конференции.

Июньское совещание членов ЦК РСДРП приняло решения, направленные на восстановление Центрального Комитета партии, осудило линию ликвидаторского Заграничного бюро ЦК и заявило о полном разрыве с ним, создало комиссию по созыву пленума ЦК, Организационную комиссию по созыву всероссийской конференции и Техническую комиссию для обслуживания партийного издательства, транспорта и т. п.

Совещание имело важное значение в жизни партии. Оценивая события в партии, происшедшие в июне – июле 1911 года, и прежде всего решения совещания, Ленин писал: «Принципиальная линия пленума (очистка рабочей партии от *буржуазных* течений ликвидаторства и отзовизма) освобождена теперь от скрывавших ее ликвидаторских центров» (стр. 301).

На основе решений июньского совещания большевики еще шире развернули работу по созданию настоящего единства всех партийных элементов, по сплочению нелегальных партийных организаций в России. Опытные партийные работники – большевики, направленные Лениным в Россию, опираясь на нелегальные партийные организации, провели работу по созданию Российской организационной комиссии (РОК), которая подготовила созыв в 1912 году VI (Пражской) партийной конференции.

Одной из мер, принятых Лениным для укрепления партии, было создание весной 1911 года партийной школы в Лонжюмо (местечко близ Парижа) в целях подготовки партийных кадров из рабочих. Для занятий в школе съехались представители партийных организаций важнейших пролетарских центров России. Ленин был идейным руководителем школы. Им было прочитано в школе 29 лекций по политэкономии, 12 – по аграрному вопросу, 12 – по теории и практике социализма в России. В томе впервые публикуется заявление, написанное Лениным 17 (30) июля 1911 года, с протестом против действий примиренцев, срывающих финансирование школы в Лонжюмо.

Ленин, придавая первостепенное значение укреплению российских партийных организаций, в то же время, сразу после июньского совещания членов ЦК, принимает меры к сплочению большевиков за границей. 18 июня (1 июля) 1911 года он участвует в собрании II Парижской группы РСДРП и вносит написанную им резолюцию о положении дел в партии. Собрание большинством голосов приняло ленинскую резолюцию, присоединившись к решениям июньского совещания членов ЦК. В этом документе, так же как и в предисловии к брошюре «Две партии» и в статье «Разговор легалиста с противником ликвидаторства», Ленин обращает особое внимание на то, что легалисты-независимцы и голосовцы не только выступают против нелегальной партии, но становятся на путь создания новой, открытой партии, которую Ленин называет столыпинской «рабочей» партией. Никакое соглашение с деятелями этой новой партии, писал Ленин, невозможно, оно может только «затормозить восстановление РСДРП, запутать ее в новую игру с голосовцами (или их лакеями вроде Троцкого), впередовцами и т. п.» (стр. 303–304).

Примиренчество явилось серьезным препятствием на пути к сплочению и укреплению партии. После июньского совещания членов ЦК примиренцы в комиссиях, созданных совещанием, проводили фракционную политику, отказывались подчиняться решениям Российской организационной комиссии, а в своих печатных изданиях обвиняли большевиков во фракционности и нетерпимости, оправдывали антипартийные действия ликвидаторов. В статьях «Положение дел в партии», «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии (Посвящается нашим «примирителям» и «соглашателям»)), «О новой фракции примиренцев или добродетельных» Ленин раскрыл опасность примиренчества и в особенности троцкизма, проповедовавшего соглашение между всеми и всяческими фракциями. Характеризуя Троцкого, как присяжного

адвоката, лакея ликвидаторов, Ленин писал: «Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства» (стр. 320). Существенной разницы между группой парижских примиренцев и троцкистами не было. Примиренцы, говорил Ленин, являются просто непоследовательными троцкистами, простыми подголосками Троцкого.

Попытки ликвидаторов подвести теоретическую основу под свое отречение от революционных задач рабочего класса, ревизия философских основ марксизма, предпринятая российскими махистами из группы «Вперед», возросший в массах в период «переваривания» уроков революции 1905–1907 годов интерес к общетеоретическим основам марксизма, – все это выдвинуло перед партией задачу углубленного внимания к вопросам теории марксизма и к коренным основам тактики рабочего движения. «Теория марксизма, *«принципиальные основы»* всего нашего мирозерцания, всей нашей партийной программы и тактики, – писал Ленин, – не случайно, а неизбежно выдвинулись теперь на одно из первых мест во всей жизни партии» (стр. 58).

Защита основ марксистской теории от искажений ее оппортунизмом (ревизионизмом, реформизмом) и анархо-синдикализмом, своеобразным проявлением которых в России были ликвидаторство и отзовизм, являлась насущной задачей революционных марксистов. Поток ренегатских отступлений от марксизма, который лился со страниц газет и журналов западно-европейских и русских оппортунистов, Ленин противопоставил глубокий научный анализ корней оппортунизма, показал его опасность для рабочего движения.

В статьях «Марксизм и «Наша Заря»», «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)», «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве», «Полемические заметки», «Разговор легалиста с противником ликвидаторства», «О старых, но вечно новых истинах», «Манифест либеральной рабочей партии» Ленин показывает, что ликвидаторы пропагандируют буржуазно-либеральные идеи, ничего общего не имеющие с марксизмом, что они окончательно скатились на путь либеральной рабочей политики, на путь реформизма.

Источники, порождающие реформизм, Ленин особенно глубоко и всесторонне раскрыл в работе «Реформизм в русской социал-демократии». В связи с развитием капитализма и быстрым ростом рабочего движения, писал он, буржуазия перешла к новой тактике, выдвинув лозунг «реформы против революции». Ценой половинчатых уступок, небольших социальных реформ буржуазия стремится подорвать единство рабочего класса, оттянуть гибель капиталистического строя, затруднить осуществление социальной революции. В условиях России, кроме того, реформизм питался отсталостью страны, склонностью массы мелких собственников к колебаниям. Отказ ликвидаторов от лозунга гегемонии пролетариата Ленин расценивал как самый грубый вид реформизма в русской социал-демократии, а их заявления о том, что буржуазная революция закончена – как словесное прикрытие отречения от всякой революции.

В настоящем томе печатаются работы, в которых нашла отражение непримиримая борьба Ленина с реформизмом и оппортунизмом во II Интернационале. К этим произведениям относятся: «Разногласия в европейском рабочем движении», «Два мира», «Конгресс английской социал-демократической партии» и др.

Для понимания корней оппортунизма и причин, порождающих тактические разногласия в мировом рабочем движении, большое значение имеет статья «Разногласия в европейском рабочем движении». Характеризуя основные течения, отступающие от марксизма в области теории и тактики, Ленин указывает на ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от марксизма наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех капиталистических странах. Ленин разъясняет, что коренные причины отступлений от марксизма нужно искать в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран. Одна из причин возникновения разногласий в рабочем движении – вовлечение в него новых «рекрутов», новых слоев трудящихся,

нередко усваивающих только отдельные стороны марксизма и подверженных влиянию буржуазного и мелкобуржуазного мировоззрения. Прямое влияние последнего на рабочее движение проявляется в том, что ревизионисты, как и анархисты, объявляют взаимоисключающими черты рабочего движения, присущие тому или другому периоду его развития. Ревизионисты, например, отрицают учение о революции как о скачке, принимают реформы, вполне совместимые с буржуазным строем, за частичное осуществление социализма. Анархисты отрицают необходимость «мелкой работы», систематической, кропотливой работы в массах, особенно использования парламентской трибуны, что на деле приводит к отказу от подготовки к будущему наступлению на капитализм. «И те и другие, – писал Ленин, – тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском миросозерцании» (стр. 66–67). В зависимости от тактики буржуазии по отношению к рабочему классу происходит рост той или другой тенденции в рабочем движении: наступление, нажим на рабочий класс вызывает рост анархо-синдикализма, а поворот буржуазии к частичным уступкам – рост правого оппортунизма.

В статье «Два мира», посвященной итогам Магдебургского съезда Германской социал-демократической партии, Ленин на конкретном примере показал роль оппортунистов в рабочем движении. Оппортунисты, писал Ленин, пропитаны верой в буржуазию, в буржуазную «законность», преклоняются перед ней, считают эту «законность» вечной, утверждая, что социализм уместится в ее рамках. Они не понимают, что вся эта «законность» разлетится вдребезги, когда дело коснется главного и основного – буржуазной собственности. Ленин указывал, что на съезде четко выявились две точки зрения – точка зрения пролетарской классовой борьбы, выраженная в выступлении Бебеля, и реформистская точка зрения, представленная Франком и др. Реформисты, пишет Ленин, используют буржуазную «законность» для так называемой положительной работы, для блоков с либералами, приносят коренные интересы рабочего движения в жертву минутным, поверхностным выгодам. Классовая борьба пролетариата, говорит Ленин, может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, но неизбежно приводит к прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушенным.

Разоблачению социал-шовинизма, одного из видов оппортунизма, который в условиях непрерывно возраставшей угрозы мировой империалистической войны представлял огромную опасность для рабочего движения, посвящена статья «Конгресс английской социал-демократической партии».

Изучение опыта рабочего движения помогает уяснить на конкретных примерах сущность марксистской тактики, классовое значение отступлений от марксизма, помогает успешнее бороться с этими отступлениями, – таковы выводы, которые делает Ленин в своих статьях, посвященных вскрытию корней международного оппортунизма, разоблачению его опасности.

Образцом творческого развития марксизма является статья «О некоторых особенностях исторического развития марксизма». Напомнив известное положение Энгельса о том, что марксизм является не догмой, а руководством к действию, Ленин отмечает, что тот, кто упускает из виду творческую сторону марксизма, подчеркнутую в этом положении, делает марксизм уродливым, односторонним, вынимает из него «душу живую», подрывает его коренные теоретические основания – диалектику, подрывает его связь с практическими задачами той или другой исторической эпохи.

Правильно определить задачи партии и рабочего класса России в условиях, когда бурные революционные события 1905–1907 гг. сменились периодом реакции, можно было только творчески применяя марксизм к изменившейся общественно-политической обстановке. Ленин указывает, что основные программные задачи партии не изменялись на протяже-

нии этих лет, так как не изменялось, в основном, соотношение между классами. Но конкретные задачи и методы борьбы изменялись в соответствии с определенной социально-политической обстановкой. В зависимости от обстановки, в марксизме, как учении, являющемся живым руководством к действию, на первый план выдвигались различные его стороны. В революционные 1905–1907 годы на первый план выдвинулись вопросы тактики, осуществление преобразований во всех областях жизни страны. В новых условиях, в 1907–1910 годах, с наступлением периода реакции, когда массы должны были усвоить, переработать революционный опыт, когда пролетариат и его партия собирали силы для будущего наступления на самодержавие, на первый план выдвинулась борьба партии за основы марксизма, против шатаний в области теории. Это была борьба против ревизии общих философских основ марксизма, борьба против догматиков, не способных понять творческий характер марксизма, повторявших заученные лозунги, и, наконец, борьба против реформистов, прикрывавшихся марксистской фразеологией, а на деле скатывавшихся к проповеди буржуазно-либеральных идей. Ленин призывал революционных марксистов сплотиться для защиты теоретических основ марксизма, его коренных положений, искажаемых оппортунистами.

Ленинские статьи по вопросам марксистской теории и тактики рабочего движения вооружили большевиков ясным пониманием важнейших теоретических вопросов и сыграли большую роль в борьбе революционных марксистов против оппортунизма в русском и международном рабочем движении. Не меньшее значение они имеют и на современном этапе международного рабочего и коммунистического движения. Подновленные современными ревизионистами оппортунистические теории представляют собою новую попытку подменить революционный марксизм новым якобы усовершенствованным «марксизмом». Эти теории не имеют ничего общего с марксистско-ленинским учением, извращают основные положения марксизма, отражают буржуазную идеологию в теории и на практике. Ревизионисты, повторяя избитые фразы бернштейнцев о возможности сотрудничества между рабочими и капиталистами, пытаются доказать, что современное капиталистическое общество развивается по линии смягчения классовых противоречий, что происходит процесс постепенного превращения капитализма в социализм. В ряде стран ревизионисты, возрождая старые теории российских ликвидаторов, выступают с требованиями замены коммунистических партий широкими неклассовыми организациями, объединяющими различные слои общества.

Ленинские статьи, направленные против оппортунизма, в которых вскрываются классовые корни ревизионизма, его опасность для рабочего движения, так же как и опасность догматического понимания марксизма, вооружают коммунистов всех стран для борьбы с извращениями марксистско-ленинского учения, за творческое применение его основных положений к современной действительности, за дальнейшее развитие марксизма.

В настоящий том входит ряд статей, написанных Лениным в связи с пятидесятилетием «крестьянской» реформы 1861 года: «Пятидесятилетие падения крепостного права», «По поводу юбилея», ««Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция». Эти статьи являются образцом умения использовать юбилейную дату важного исторического события для глубокого научного анализа данного события, его последствий, установления его связи с насущными задачами партии на соответствующем этапе. Ленин, устанавливая связь между буржуазным характером крепостнической «крестьянской» реформы 1861 года и столыпинской аграрной политики, делает вывод, что никакие буржуазные реформы, проводимые крепостниками, не могут предотвратить революцию, и что целью борьбы партии и рабочего класса по-прежнему остается свержение царизма.

Наряду с этим Ленин прослеживает исторически сложившиеся направления, тенденции в общественно-политической жизни России и определяет их как либеральную и демократическую. Борьба этих тенденций в конечном итоге должна была определить исход борьбы за новый общественный строй страны. Либеральная тенденция в своем развитии привела к обра-

зованию партии либерально-монархической буржуазии – кадетов. Демократическая, революционная тенденция вела свое начало от Н. Г. Чернышевского. Ленин характеризовал Чернышевского не только как наиболее последовательного выразителя демократической тенденции, не только как социалиста-утописта, но и как революционного демократа, который ясно видел крепостнический характер реформы 1861 года, холопство либералов перед властью имущими, их боязнь революции и проводил «через препоны и рогатки цензуры – идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (стр. 175).

Впоследствии, с развитием революционной борьбы, демократическая тенденция разделилась на две – демократическую и социалистическую. Преемником демократической тенденции были трудовики – представители мелкобуржуазной крестьянской массы. Носителем социалистической тенденции стал российский рабочий класс, создавший марксистскую пролетарскую партию. Связывая либеральную и демократическую тенденции с двумя возможными путями развития России – путем приспособления страны к старым, крепостническим порядкам и путем коренного устранения, ломки старого, – Ленин призывал партию бороться за победу второго пути, отвечающего коренным интересам народных масс, высвободить колеблющихся из-под влияния либералов и, непреклонно борясь со всеми проявлениями реформизма и оппортунизма, вести пролетариат в союзе с крестьянством к новой революции.

Огромное значение для партии имела подготовка кадров пролетарских революционеров из среды передовых рабочих. Выдающимся представителем поколения пролетарских революционеров, прошедших под руководством Ленина школу революционной борьбы, был рабочий-большевик Иван Васильевич Бабушкин, работавший под руководством Ленина в 1895 году в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Памяти пролетарского революционера, беззаветно преданного делу рабочего класса, посвятил Ленин включенный в настоящий том некролог «Иван Васильевич Бабушкин». Ленин показывает, что именно героической, упорной работой в массах таких передовых рабочих, каким являлся Бабушкин, была создана подлинно пролетарская, революционная партия в России. «Без таких людей, – писал Ленин, – русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации» (стр. 82).

Ряд статей, включенных в настоящий том, посвящен вопросам международного рабочего движения, памяти вождей рабочего класса. Среди них – «Павел Зингер», «Речь, произнесенная от имени РСДРП на похоронах Поля и Лауры Лафарг 20 ноября (3 декабря) 1911 г.» и др.

В статье «Памяти Коммуны» Ленин дал глубокий анализ сущности Парижской Коммуны, как первого в мире рабочего правительства, мероприятия которого были направлены против основ капиталистического строя. Героическая борьба парижских коммунаров, пример рабочего правительства Коммуны подняли дух миллионов рабочих, возбудили их надежды и привлекли их симпатии на сторону социализма. «Дело Коммуны, – писал Ленин, – это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно» (стр. 222).

В том включены статьи В. И. Ленина, посвященные великому русскому писателю Л. Н. Толстому; «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба» и «Л. Н. Толстой и его эпоха».

Статьи В. И. Ленина о Толстом, опубликованные в большевистских печатных органах за границей и в России, всесторонне и глубоко раскрыли всю сложность творчества Толстого, вскрыли связь его творчества с коренными вопросами русской революции. В этих статьях показана огромная сила критики Л. Н. Толстым общественных порядков царской России. Эта критика, указывал Ленин, отличалась страстностью, силой чувства, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в своем стремлении найти настоящие причины бедствий народных масс. Правдиво, во всю силу огромного таланта отразив в своих произведениях историческое своеобразие целой предреволюционной эпохи – эпохи подготовки крестьянской рево-

люции в условиях высокоразвитого капитализма, силу и слабость массового крестьянского движения, великий художник стал этим близок и дорог рабочему классу. В то же время Ленин вскрыл противоречивость взглядов Толстого, совмещавшего борьбу с крепостничеством и полицейщиной с проповедью «непротивления злу». Ленин указывал, что правильно оценить творчество Толстого можно только с точки зрения революционного рабочего класса, на деле доказавшего свою преданность народу, умение бороться с непоследовательностью буржуазной, в том числе и крестьянской демократии. Художественное наследие Толстого российский рабочий класс использовал для борьбы против крепостничества, полицейщины, для того чтобы сплотить массы на борьбу за новый общественный порядок.

Ленин называл Толстого «зеркалом русской революции». Мировое значение Толстого, указывал Ленин, отражает мировое значение русской революции.

Ленинские статьи, посвященные Толстому, служат замечательным образцом глубокого марксистского анализа явлений литературного творчества, диалектического раскрытия их и имеют огромное, основополагающее значение для разработки марксистской эстетики.

Произведения В. И. Ленина, написанные в период нарастания нового революционного подъема, проникнуты безграничной верой в силы рабочего класса, в победу грядущей революции. Ленинское научное предвидение подтверждено историей.

* * *

В разделе «Подготовительные материалы» помещен план лекции по курсу «Начала политической экономии», прочитанной Лениным на «Курсах социальных наук» в Париже в феврале 1911 года, и план реферата «Манифест либеральной рабочей партии», с которым Ленин выступал в Париже 14 (27) ноября 1911 года.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1910 г.

Не начало ли поворота?

Настоящий номер был уже сверстан^[1], когда мы получили петербургские и московские газеты от 12 ноября. Как ни недостаточны сведения легальной печати, но из них вытекает все же несомненно, что в целом ряде городов произошли студенческие сходки, манифестации, уличные шествия с протестом против смертной казни, с речами против правительства. Петербургская демонстрация 11 ноября, даже по сведениям держащих себя совершенно по-октябристски «Русских Ведомостей»^[2], собрала *не менее 10 000 человек* на Невском. Та же газета сообщает, что на Петербургской стороне «у Народного дома к шествию присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие остановилось. Полицейский отряд никак не мог остановить шествие, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова. Только у университета полиции удалось рассеять толпу».

Полиция и войска вели себя, разумеется, истинно-русски.

Откладывая до следующего номера оценку этого несомненного демократического подъема, мы не можем не сказать здесь нескольких слов об отношении разных партий к демонстрации. «Русские Ведомости», поместившие 11-го *ложное* известие, что демонстрация отменена, сообщают 12-го, будто с.-д. не приняли никакого постановления, а отдельные депутаты из них даже высказывали свое отрицательное отношение, и лишь одни трудовики^[3] в принятой резолюции сочли невозможным препятствовать демонстрации. Мы не сомневаемся, что это позорящее наших с.-д. депутатов сообщение ложно; вероятно, оно так же злобно выдуманно «Русскими Ведомостями», как и их вчерашнее сообщение об отмене демонстрации. «Голос Москвы»^[4] сообщает 12-го, что, «за исключением с.-д., депутаты всех партий относятся отрицательно к выступлению студенчества на улицах».

Ясно, что кадетские и октябристские органы сугубо «уклоняются от истины», будучи запуганы совершенно нелепыми, смешными криками правых о том, что «пружины, готовящие демонстрацию, нажимаются из Таврического дворца».

А что кадеты^[5] вели себя недостойно, это – факт. «Речь»^[6] поместила 11-го, в день демонстрации, воззвание депутатов к.-д., приглашающее не устраивать демонстрации. Мотивировка и в этом воззвании и в передовице «Речи» поистине подлая: «не омрачать» скорбных дней! «устраивать манифестации, соединять их с памятью Толстого» – значит обнаруживать «отсутствие искренней любви к священной памяти»!! и т. д. в чисто октябристском духе (сравните передовицу от 11-го в «Голосе Москвы» с почти буквально тождественными фразами).

К счастью, подлая подножка, подставленная демократии кадетами, не удалась. Демонстрация все же состоялась. И если полицейская «Россия»^[7] продолжает винить во всем кадетов, ухитряясь даже в их воззвании видеть «разжигание», то в Думе^[8], по словам «Голоса Москвы», и октябристы^[9] и крайние правые (Шульгин) оценили *заслугу* кадетов, признали их «противниками демонстрации».

Кого весь ход русской революции не научил тому, что дело освободительного движения в России *безнадежно*, пока им руководят кадеты, пока он не умеет оберечь себя от измен кадетов, тот пусть учится снова и снова на фактах современной политики, на истории демонстрации 11-го ноября. Первое же начало демократического подъема – начало кадетских гнусностей.

* * *

Отметим еще сообщение «Голоса Москвы», что рабочие предложили будто бы студентам устроить грандиозную демонстрацию 14-го. Доля правды тут, наверное, есть, ибо сегодня (15 (28) ноября) парижские газеты сообщают об аресте в С.-Петербурге 13-ти членов бюро профессиональных союзов за *попытку* организовать рабочую манифестацию.

«Социал-Демократ» № 18, 16 (29) ноября 1910 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

О демонстрации по поводу смерти Муромцева (заметка)

«Эта Дума, – пишет кадетская «Речь» по поводу первого заседания четвертой сессии черносотенной Думы, – в сегодняшний день окончательно и бесповоротно отрезала себя от народных настроений и национального сознания». Говорится это, конечно, по поводу отказа черносотенцев и октябристов почтить память председателя I Думы, Муромцева.

Трудно было бы рельефнее, чем в приведенной фразе, выразить всю фальшь той точки зрения, на которой стоят наши либералы по отношению к борьбе за свободу вообще и к демонстрации по поводу кончины Муромцева в частности.

Нет сомнения, что демонстрация против царского правительства, против самодержавия, против черносотенной Думы была необходима по поводу смерти Муромцева, что демонстрация состоялась, что участвовали в ней самые различные и самые широкие слои населения, самые различные партии от социал-демократии до кадетов, «прогрессистов»^[10] и польских октябристов (польского коло^[11]) включительно. И точно так же нет сомнения, что оценка этой демонстрации кадетами в сотый и тысячный раз показывает, насколько чужды они демократии, насколько *гибельно* для дела демократии в России ведение этого дела или хотя бы руководящее участие в этом деле наших кадетов.

Все демократы и все либералы участвовали и должны были участвовать в демонстрации по поводу смерти Муромцева, ибо в потемках режима черной Думы такая демонстрация дала возможность открытого и сравнительно широкого выражения *протеста* против самодержавия. Самодержавие царя вело отчаянную борьбу против введения представительных учреждений в России. Самодержавие подделывало и искажало созыв первого парламента в России, когда пролетариат и революционное крестьянство вырвали у него массовой борьбой необходимость такого созыва. Самодержавие глумилось и надругалось над демократией, над народом, *поскольку* голос народа, голос демократии раздавался в I Думе^[12]. Самодержавие преследует теперь даже воспоминание об этом слабом выражении требований демократии в I Думе (выражение этих требований было гораздо слабее, беднее, уже, менее жизненно во время I Думы и с ее трибуны, чем осенью 1905 года с трибун, которые создала себе волна открытой массовой борьбы).

Вот почему демократия и либерализм могли и должны были сойтись на демонстрации протеста против самодержавия по всякому поводу, напоминавшему массам о революции. Но, сойдясь на общей демонстрации, они *не могли* не выразить *своего* отношения и к оценке задач демократии вообще и к истории I Думы, в частности. А первый же приступ к такой оценке показал невыносимое убожество, политическое бессилие и политическое слабоумие нашего буржуазного либерализма.

Подумайте только: черная Дума «сегодня», 15 октября 1910 года, «окончательно и бесповоротно отрезала себя» от народа! Значит, она не была до сих пор отрезана от него бесповоротно. Значит, участие в чествовании памяти Муромцева устраняло, способно было устранить «отрезанность» от «народных настроений», то есть отрезанность от демократии тех или иных из наших контрреволюционеров. Поймите же, господа, претендующие на высокое звание демократов, что вы сами, больше чем кто бы то ни было, принижаете значение демонстрации, опощляете ее, когда ставите вопрос таким образом. «При самой невысокой морально-политической оценке III Думы, – пишет «Речь», – казалось нелепым думать, что она способна будет отклонить от себя этот элементарный долг почтить с трибуны имя того, кто с таким достоинством и блеском открыл ее (!!) и освятил». Услужили, нечего сказать: Муромцев открыл и освятил «ее», III Думу! Нечаянно кадеты сказали этими словами ту горькую правду, что измена русского либерализма и русской буржуазии революционной борьбе и восстанию конца 1905

года «открыла и освятила» эпоху контрреволюции вообще и III Думы в особенности. «Полагали, — пишет «Речь», — что кучка политических скандалистов не в состоянии будет заглушить голос приличия и такта в большинстве Думы». Вот как! вопрос шел и идет о «приличии и такте», а не о протесте против самодержавия. Вопрос ставится не так, что демократия *отрезывается* от контрреволюции, а так, что либерализм *объединяется* с контрреволюцией. Либерализм становится на почву контрреволюции, приглашая ее представителей, октябристов, участвовать в чествовании памяти Муромцева не для выражения протеста против самодержавия, а для выполнения «приличия и такта». Муромцев «открыл и освятил» (бывают же такие поганые слова!) первый, царем созданный, якобы парламент; вы, господа октябристы, сидите в тресте, царем созданном, якобы парламенте, — не будет ли «неприлично и бестактно» отказаться выполнить «элементарный долг». Как великолепно отражает этот совсем маленький пример, это одно только рассуждение кадетского официального органа всю идейную и политическую гнилость нашего либерализма. Его линия — *уговаривать* самодержавие, черносотенных помещиков и их союзников, октябристов, а не развивать *демократическое* сознание масс. Его удел поэтому — неизбежный и неотвратимый удел подобного буржуазного либерализма во всякой буржуазно-демократической революции — вечно оставаться рабом монархии и феодалов, вечно получать от них пинки сапогом.

Если бы у кадетских депутатов была хоть капля понимания задач демократии, они и в III Думе позаботились бы не о выполнении *октябристами* «элементарного долга», а о демонстрации перед *народом*. Не заявление председателю нужно было для этого подать (оглашение такого заявления, по § 120 наказа, зависит от усмотрения председателя), а добиться тем или иным путем постановки вопроса на обсуждение.

Если бы у кадетских писателей была хоть капля понимания задач демократии, они не упрекали бы октябристов в бестактности, а разъяснили бы, что поведение III Думы как раз и подчеркивает значение демонстрации по поводу смерти Муромцева, как раз и поднимает вопрос с *обывательски-мещанской* болтовни о «приличии и такте» на высоту *политической* оценки современного режима и роли различных партий.

Но демонстрация по поводу смерти Муромцева не могла не поднять также другого вопроса, именно вопроса об историческом значении I Думы. Нечего и говорить, что кадеты, имевшие в ней большинство и упоенные в то время надеждой на кадетское министерство, на «мирный» переход к свободе, на укрепление своей гегемонии среди демократии, превозносят Муромцева как «национального героя». Трудовики, в лице г. Жилкина, опустили до того, что, присоединяясь к этому либеральному хору, прямо чествовали Муромцева как политического «воспитателя» левых партий.

Подобная оценка I Думы кадетами и трудовиками имеет то важное значение, что показывает крайне низкий уровень политического сознания в русском «обществе». «Общество», восхищающееся политической ролью кадетов в I Думе, не вправе жаловаться на Столыпина и III Думу: оно имеет как раз такое правительство, которого заслуживает. Гегемония либерализма в русском освободительном движении неминуемо означает его слабость и неустрашимость господства диких помещиков. Только отстранение либерализма пролетариатом и пролетарская гегемония *давали* победы революции и *способны* дать их еще.

Эпоха I Думы была таким периодом, когда побежденный в декабре пролетариат собирал силы для нового натиска. Революционная стачка, ослабевшая после декабря, снова могуче подняла голову; за рабочими потянулись крестьяне (крестьянские волнения охватили весной 1906 г. 40 % уездов Европейской России); усилились солдатские «бунты». Перед либеральной буржуазией стояла дилемма: помочь новому *революционному* натиску масс, и тогда победа над царизмом была возможна, — или отвернуться от революции и тем облегчить победу царизму. Новый подъем массовой борьбы, новые колебания буржуазии, нерешительность и выжидание

царизма – вот в чем *суть* перводумской эпохи, вот в чем *классовая основа* этой полосы в русской истории.

Кадеты, как главенствующая партия в I Думе, и Муромцев, как один из главарей этой партии, проявили полное непонимание политического положения и совершили новое предательство демократии. Они отвернулись от революции, осуждали массовую борьбу, ставили ей всевозможные препятствия и старались использовать нерешительность царизма, пугая его революцией и требуя сделки (= кадетское министерство) *от имени*, революции. Понятно, что такая тактика была по отношению к демократии *изменой*, по отношению к царизму – бессильным якобы «конституционным» бахвальством. Понятно, что царизм только выигрывал время для сосредоточения своих сил, *«играя»* в переговоры с кадетами и *готовя* разгон Думы и государственный переворот. Пролетариат и часть крестьянства поднялись на новую борьбу весной 1906 г., – их вина или их беда состояла в том, что они боролись не достаточно решительно и не в достаточном числе. Либералы весной 1906 г. упивались игрой в конституцию и переговорами с Треповым, осуждая тех, мешая делу тех, кто один только мог *сломить* Треповых.

Фарисеи буржуазии любят изречение: *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна *правда* и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не уминают для политики, когда наступает их физическая смерть. Говорить условную ложь о Муромцеве – значит вредить делу пролетариата и делу демократии, развращать сознание масс. Говорить горькую правду про кадетов и про тех, кто давал себя вести (и проводить) кадетам, – значит чествовать *великое* в первой русской революции, значит помогать успеху второй.

«Социал-Демократ» № 18, 16 (29) ноября 1910 г. Подпись: **Н. Ленин**

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

Два мира

О Магдебургском съезде Германской с.-д. партии писали уже много во всех газетах, и все главные события на этом съезде, все перипетии борьбы достаточно известны^[13]. Внешняя сторона борьбы ревизионистов с ортодоксами, драматические эпизоды съезда чересчур заполняли внимание читателей в ущерб уяснению принципиального значения этой борьбы, идейно-политических корней расхождения. А между тем, магдебургские прения – главным образом по вопросу о голосовании баденцев за бюджет – дали в высшей степени интересный материал, характеризующий два мира идей и две классовые тенденции *внутри* с.-д. рабочей партии Германии. Голосование за бюджет лишь одно из проявлений этого расхождения двух миров, расхождения столь глубокого, что ему несомненно предстоит выразиться по поводам гораздо более серьезным, гораздо более глубоким и важным. И теперь, когда в Германии явно для всех *надвигается* великая революционная буря, следует взглянуть на магдебургские прения, как на маленький смотр небольшой частички армии (ибо вопрос о голосовании за бюджет есть лишь небольшая частичка основных вопросов с.-д. тактики) *перед* началом кампании.

Что показал этот смотр относительно понимания своих задач разными частями пролетарской армии? Что говорит нам этот смотр о том, как будут себя вести эти разные части армии? – вот вопросы, на которых мы намерены остановиться.

Начнем с одного частного (на первый взгляд) столкновения. Вождь ревизионистов, Франк, усердно подчеркивал, как и все баденцы, что министр фон Бодман сначала отрицал «равноправие» с.-д. с другими, буржуазными, партиями, а потом как бы взял это «оскорбление» назад. Бебель в своем реферате сказал по этому поводу:

«...Если министр современного государства, представитель существующего государственного и общественного порядка, – а целью современного государства, как политического учреждения, является защита и поддержание существующего государственного и общественного строя против всех нападений со стороны социал-демократов, защита при надобности и посредством насилия, – если такой министр говорит, что он не признает равноправия социал-демократии, то он с своей точки зрения вполне прав». Франк перебивает Бебеля и кричит: «Неслыханно!». Бебель продолжает, отвечая ему: «Я нахожу это вполне естественным». Франк снова восклицает: «Неслыханно!».

Почему так возмущен был Франк? Потому, что он насквозь пропитан верой в буржуазную «законность», в буржуазное «равноправие», не понимая исторических *пределов* этой законности, не понимая, что вся эта законность *должна*, неизбежно должна разлететься вдребезги, раз дело коснется основного и главного вопроса о сохранении буржуазной собственности. Франк целиком пропитан мелкобуржуазными конституционными иллюзиями; поэтому он не понимает исторической *условности* конституционных порядков даже в такой стране, как Германия; он верит в абсолютное значение, в абсолютную силу буржуазной (вернее: буржуазно-феодальной) конституции в Германии, искренне *оскорбляясь* тем, что конституционный министр не хочет признать «равноправия» его, Франка, члена парламента, человека, действующего вполне по закону. Упиваясь этой законностью, Франк доходит до того, что забывает непримиримость буржуазии с пролетариатом, и незаметно для себя переходит на позицию тех, кто считает эту буржуазную законность вечной, кто считает социализм ущемляющимся в рамках этой законности.

Бебель сводит вопрос с этих конституционных иллюзий, свойственных буржуазной демократии, на реальную почву классовой борьбы. Можно ли «оскорбляться» тем, что равноправия на почве буржуазного права не признает за нами, врагами всего буржуазного строя, защитник этого строя? Ведь одно уже допущение того, что меня может оскорблять это, показывает непрочность моих социалистических убеждений!

И Бебель старается втолковать Франку социал-демократические взгляды посредством наглядных примеров. Нас не мог «оскорбить» – говорил Бебель Франку – исключительный закон против социалистов^[14]; мы были полны гнева и ненависти, «и если бы мы тогда могли, мы ринулись бы в бой, как нам того от души хотелось, мы разбили бы вдребезги все, что стояло нам поперек пути» (*бурные возгласы одобрения* – отмечает в этом месте стенографический отчет). «Мы были бы изменниками нашему делу, если бы мы не сделали этого» (*Правильно!*). «Но мы не могли этого сделать».

Меня оскорбляет, что конституционный министр не признает равноправия социалистов, – рассуждает Франк. Вас не должно оскорблять отрицание равноправия человеком, говорит Бебель, который не очень давно душил вас, попирая все «принципы», который должен был душил вас, защищая буржуазный строй, и который должен будет завтра душил вас (этого Бебель не сказал, но он ясно намекнул на это; почему Бебель так осторожен, что ограничивается намеками, мы скажем в своем месте). Мы были бы изменниками, если бы не задушили этих врагов пролетариата, имея к тому возможность.

Два мира идей: с одной стороны, точка зрения пролетарской классовой борьбы, которая может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, но которая неизбежно приводит к развязке, к прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушенным. С другой стороны, точка зрения реформиста, мелкого буржуа, который за деревьями не видит леса, за мишурой конституционной законности не видит ожесточенной классовой борьбы, в захолустье какого-нибудь маленького государства забывает великие исторические вопросы современности.

Реформисты мнят себя реальными политиками, людьми положительной работы, государственными мужами. Эти детские иллюзии выгодно поддерживать в пролетариате хозяевам буржуазного общества, но социал-демократы должны беспощадно разрушать их. Слова о равноправии – «ничего не значащие фразы», говорил Бебель. «Кто может поймать на удочку этих фраз целую социалистическую фракцию, тот государственный человек, – говорил Бебель при общем смехе партийного съезда, – но те, кто дают себя поймать, те уже совсем не государственные люди». Это не в бровь, а в глаз всевозможным оппортунистам социализма, которые дают себя поймать национал-либералам в Германии^[15], кадетам в России. «Отрицатели, – говорил Бебель, – часто добивались гораздо большего, чем люди так называемой положительной работы. Резкая критика, резкая оппозиция падает всегда на благодарную почву, если эта критика справедлива, а наша, несомненно, справедлива».

Оппортунистические фразы о положительной работе означают во многих случаях работу на либералов, вообще работу на других, кто держит в руках власть, кто определяет направление деятельности данного государства, общества, коллектива. И Бебель прямо сделал этот вывод, заявив, что «у нас в партии не мало таких национал-либералов, которые ведут национал-либеральную политику». В пример он привел Блоха, небезызвестного редактора так называемого (по словам Бебеля – *так называемого*) «Социалистического Ежемесячника» («Sozialistische Monatshefte»)^[16]. «Национал-либералам не место в нашей партии», – прямо заявил Бебель при общем одобрении съезда.

Посмотрите на список сотрудников «Социалистического Ежемесячника». Там все представители международного оппортунизма. Там не могут нахвалиться поведением наших ликвидаторов. Разве это не два мира идей, когда вождь германской социал-демократии объявляет редактора этого органа национал-либералом?

Оппортунисты всего мира клонят к политике блока с либералами, то прямо и открыто провозглашая и осуществляя ее, то проповедуя или оправдывая избирательные соглашения с либералами, поддержку их лозунгов и т. п. Бебель еще и еще раз разоблачил всю фальшь, всю лживость этой политики, и про его слова без преувеличения можно сказать, что их должен знать и помнить всякий социал-демократ.

«Если я, как социал-демократ, вхожу в союз с буржуазными партиями, то можно ставить 1000 против 1, что в выигрыше будут не социал-демократы, а буржуазные партии, мы же окажемся в проигрыше. Это – *политический закон*, что повсюду, где правые и левые вступают в союз, левые теряют, правые выигрывают...

Если я вхожу в политический союз с *принципиально* враждебной мне партией, тогда мне приходится по необходимости приспособлять мою тактику, т. е. мои приемы борьбы, к тому, чтобы не разрывать этого союза. Я уже не смогу тогда критиковать беспощадно, не смогу бороться принципиально, ибо тогда я задену своих союзников; я буду вынужден молчать, прикрывать многое, оправдывать то, чего нельзя оправдать, затушевывать то, чего нельзя затушевывать».

Оппортунизм потому и является оппортунизмом, что он *коренные* интересы движения приносит в жертву минутным выгодам или соображениям, основанным на самом близорукоем, поверхностном расчете. Франк говорил в Магдебурге с пафосом о том, что министры в Бадене «хотят нас, социал-демократов, привлечь к совместной работе»!

Не вверх надо смотреть, а вниз – говорили мы во время революции нашим оппортунистам, увлекавшимся неоднократно различными кадетскими перспективами. Бебель, имея перед собой Франков, говорил в своем заключительном слове в Магдебурге: «Массам непонятно, что есть социал-демократы, своим вотумом доверия поддерживающие правительство, которое массы всего охотнее совсем бы устранили. У меня часто получается впечатление, что часть наших вождей перестала понимать страдания и бедствия масс (*бурное одобрение*), что им чуждо положение масс». А «повсюду в Германии в массах накопился громадный запас озлобления».

«Мы переживаем, – говорил в другом месте своей речи Бебель, – такое время, когда особенно непозволительны гнилые компромиссы. Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются. Мы идем навстречу очень, очень серьезным временам. Что будет после предстоящих выборов? Подождем и посмотрим. Если дойдет дело до того, что в 1912 году разразится европейская война, тогда вы увидите, что нам придется пережить, на каком посту придется нам стоять. Наверное, не на том, который заняли теперь баденцы».

В то время как одни успокаиваются самодовольно на том положении вещей, которое сделалось в Германии привычным, Бебель все внимание обращает сам и советует обратить партии на неизбежно предстоящую перемену. «До сих пор все, что мы пережили, это стычки на аванпостах, мелочи», – говорил Бебель в заключительном слове. Главная борьба предстоит впереди. И с точки зрения этой главной борьбы вся тактика оппортунистов является верхом бесхарактерности и близорукости.

Говоря о грядущей борьбе, Бебель ограничивается намеками. Ни разу не говорит он прямо о том, что революция надвигается в Германии, хотя мысль его, несомненно, такова, – все указания на обострение противоречий, на трудность реформ в Пруссии, на безвыходное положение правительства и командующих классов, на рост озлобления в массах, на опасность европейской войны, на усиление экономического гнета в силу дороговизны жизни, объединения капиталистов в тресты и картели и т. д. и т. д., – все клонит явственно к тому, чтобы выявить партии и массам неизбежность революционной борьбы.

Почему так осторожен Бебель, почему он ограничивается одними наводящими указаниями? Потому, что нарастающая революция в Германии встречает особую, своеобразную политическую ситуацию, которая не похожа на другие предреволюционные эпохи в других странах и которая требует поэтому от вождей пролетариата решения некоторой *новой* задачи. Главная

особенность этой своеобразной предреволюционной ситуации состоит в том, что грядущая революция неизбежно должна быть несравненно более глубокой, более серьезной, втягивающей более широкие массы в более трудную, упорную, долгую борьбу, чем все предыдущие революции. А в то же время эта предреволюционная ситуация отличается наибольшим (по сравнению с прежним) господством *законности*, ставшей поперек дороги тем, кто ввел эту законность. Вот в чем своеобразие положения, вот в чем трудность и новизна задачи.

Ирония истории сделала то, что господствующие классы Германии, создавшие самое сильное во всей 2-ой половине XIX века государство, укрепившие условия наиболее быстрого капиталистического прогресса и условия самой прочной конституционной законности, самым явственным образом подходят теперь к положению, когда эту законность, *их* законность *приходится* сломать, приходится – во имя сохранения господства буржуазии.

Германская с.-д. рабочая партия в течение около полувека использовала буржуазную законность образцово, создав наилучшие пролетарские организации, превосходную печать, подняв на самый высокий уровень (какой только возможен при капитализме) сознательность и сплоченность социалистического пролетарского авангарда.

Теперь близится время, когда эта полувековая полоса германской истории *должна*, в силу объективных причин *должна*, смениться иной полосой. Эпоха использования созданной буржуазией законности *сменяется* эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти *по сути дела* будут разрушением *всей* буржуазной законности, *всего* буржуазного строя, *а по форме* должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности! «Стреляйте первые, господа буржуа!» – в этих словах выразил в 1894 году Энгельс своеобразие положения и своеобразие тактических задач революционного пролетариата^[17].

Социалистический пролетариат ни на минуту не забудет, что ему предстоит и предстоит неизбежно революционная массовая борьба, ломающая всю и всякую законность осужденного на смерть буржуазного общества. И в то же время у партии, великолепно использовавшей полувековую законность буржуазии *против* буржуазии, нет ни малейших оснований отказываться от тех удобств в борьбе, от того плюса в сражении, что *враг запутался* в своей собственной законности, что враг вынужден «стрелять первым», вынужден рвать свою собственную законность.

Вот в чем своеобразие предреволюционной ситуации в современной Германии. Вот почему так осторожен старый Бебель, все внимание направляющий на предстоящую великую борьбу, всю силу своего громадного таланта, своего опыта, своего авторитета обрушивающий против близоруких и бесхарактерных оппортунистов, которые этой борьбы не понимают, которые не годятся для нее в вожди, которым придется, вероятно, во время революции превратиться из *вождей* в *ведомых*, а то и в отбрасываемых прочь.

В Магдебурге с этими вождями спорили, их порицали, им ставили официальный ультиматум, как представителям всего того, что накопилось в великой революционной армии ненадежного, слабого, зараженного буржуазной законностью, отупевшего от благоговейного преклонения перед этой законностью, перед всей ограниченностью *одной* из эпох рабовладения, т. е. одной из эпох буржуазного господства. Порицая оппортунистов, грозя им исключением, германский пролетариат тем самым порицал в своей могучей организации все элементы застоя, неуверенности, дряблости, неумения порвать с психологией умирающего буржуазного общества. Порицая плохих революционеров в своей среде, передовой класс сделал один из последних смотров своим силам перед вступлением на путь социальной революции.

* * *

В то время, как внимание всех революционных с.-д. во всем мире было устремлено на то, как германские рабочие готовятся к борьбе, выбирают момент для нее, внимательно следят за врагом и *очищают* себя от слабостей оппортунизма, – оппортунисты всего мира злорадствовали по поводу разногласий Люксембург и Каутского насчет оценки данного момента, насчет того, *сейчас или еще не сейчас*, сию минуту *или в следующую минуту* наступает и наступит один из таких поворотных пунктов, которым было 9-ое января в русской революции. Оппортунисты злорадствовали, старались разжечь эти, не имеющие первостепенного значения, разногласия и на страницах «Социалистического Ежемесячника», и в «Голосе Социал-Демократа» (Мартынов), и в «Жизни», «Возрождении»^[18], и т. п. ликвидаторских органах, и в «Neue Zeit»^[19] (Мартов)¹. Мизерность этих приемов оппортунистов всех стран запечатлена в Магдебурге, где разногласия среди революционных социал-демократов Германии не играли никакой заметной роли. Оппортунисты рано стали злорадствовать. Магдебургский съезд *принял* первую часть предложенной *Розой Люксембург* резолюции, в которой прямо указывается на массовую стачку как средство борьбы.

«Социал-Демократ» № 18, 16 (29) ноября 1910 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

---

¹ В «Neue Zeit» Мартову дана была решительная отповедь тов. Карским.

Л. Н. Толстой

Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции.

Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувековой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот.

И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, — он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа главным образом к эпохе 1861–1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость.

Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не сознавало этой последней задачи, не сознавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы.

В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроенно примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина,

на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис – все бедствия «эпохи первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном^[20].

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905–1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Противоречия во взглядах Толстого – не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в дореформенную, но дореволюционную эпоху.

И поэтому правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации, – доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии, – возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата.

Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к «великому писателю» и в то же время защищая «святейший» синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки.

Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделяются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о «голосе цивилизованного человечества», о «единодушном отклике мира», об «идеях правды, добра» и т. д., за которые так бичевал Толстой – и справедливо бичевал – буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, – не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! – а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; – потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики. Либералы горой за Толстого, горой против синода – и вместе с тем они за... веховцев^[21], с которыми

«можно спорить», но с которыми «надо» ужиться в одной партии, «надо» работать вместе в литературе и в политике. А веховцев лобызает Антоний Волынский.

Либералы выдвигают на первый план, что Толстой – «великая совесть». Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и «Новое Время»^[22] и все ему подобные? Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*? Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства?

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности – не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божедей жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам толстовскую критику капитализма – не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились сплачиваться в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком.

«Социал-Демократ» № 18, 16 (29) ноября 1910 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

Открытое письмо ко всем социал-демократам партийцам

На январском пленуме ЦК 1910 года^[23] мы, как представители большевистской фракции, распустили нашу фракцию и передали принадлежащие ей суммы денег и другое имущество трем известным деятелям международной социал-демократии. Передача эта, равно как и распущение фракции, были шагами *условными*. На каких условиях мы сделали эти шаги, известно из нашего заявления на том же пленуме, заявления, пленумом принятого и опубликованного в первом же номере Центрального Органа, вышедшем после пленума.

Говоря коротко, эти условия сводились к тому, чтобы другие фракции (и в первую голову фракция *голосовцев*, т. е. меньшевиков, издающих и поддерживающих «Голос Социал-Демократа») выполнили *лояльно*, т. е. честно и до конца свой долг, именно (1) борьбу с ликвидаторством и отзовизмом^[24], которые признаны в единогласно принятой резолюции пленума проявлением буржуазного влияния на пролетариат, и (2) распущение своих фракций.

В настоящее время, после *годового* опыта, годового выжидания, мы вполне и окончательно убедились в том, что *ни то ни другое* условие *не выполнены* ни голосовцами ни впереводцами^[25].

Результатом такого убеждения, с нашей стороны, явился, во-1-х, выпуск «Рабочей Газеты»^[26], является, во-2-х, заявление о возврате денег и имущества, заявление, поданное нами в ЦК на днях, 5 декабря 1910 года.

После этой заявки дело стоит формально и по существу таким образом. Мы *условно* отдали все имущество и все свои силы на поддержку антиликвидаторской и антиотзовистской работы над восстановлением партии и ее полного единства. Нарушение голосовцами и впереводцами принятых ими условий разрушает наш договор. Расторгая этот нарушенный ликвидаторами и отзовистами договор, мы будем работать *по-прежнему* над восстановлением партии и ее полного единства, над проведением антиликвидаторской и антиотзовистской линии, но эту работу мы должны вести *не с теми* союзниками, которые на пленуме были допущены (из доверия к их обещаниям) к участию в партийных центрах. Так как, по общему признанию и по неоднократным заявлениям делегатов национальных организаций, на пленуме и на других партийных собраниях, конференциях и т. д., именно наша, большевистская, фракция рассматривалась всегда как *наиболее ответственная* за положение дел в партии, то мы считаем своим долгом открыто изложить наши взгляды на положение дел в партии и на значение сделанных нами шагов.

* * *

Январский пленум 1910 года имел очень крупное значение в истории нашей партии. Он окончательно определил *тактическую линию* партии для эпохи контрреволюции, постановив *в развитие* декабрьских революций 1608 года^[27], что и ликвидаторство и отзовизм суть проявления влияния буржуазии на пролетариат. Пленум *поставил* далее вопрос об уничтожении фракций в нашей партии, – т. е. о необходимости создания *действительного* единства рабочей социал-демократической партии, – *в связь* с определением идейно-политических задач партии в данный исторический период.

Эти два дела, сделанные пленумом в январе 1910 года, имеют, по нашему убеждению, *историческое* значение, и их результаты гораздо важнее, гораздо жизненнее, гораздо прочнее, чем кажется поверхностному наблюдателю.

Но эти результаты страшно испорчены напутанной около них *фразой*. Нет ничего столь враждебного духу социал-демократии и столь вредного, как *фраза*. А фраза «примиренческая» не менее вредна и не менее сбивает с толку людей, чем фраза отзовистская и ликвидатор-

ская. Эта «примиренческая» фраза засоряет *суть* дела, ставит воздыхания и благопожелания на место учета реальных тенденций и реального соотношения сил в партии, вредит *сближению* тех, кого можно и должно сблизить, попытками *играть в объединение* с теми, кто не хочет сейчас и не может сейчас объединиться.

В течение года, прошедшего после январского пленума, эта фраза исчерпала себя и показала свои плоды. Если партия *научится* теперь, на горьком опыте героев «примиренческой» фразы научиться тому, как *не* следует браться за дело «примирения» и уничтожения фракций, то протекший после пленума год окажется не потерянным втуне.

Фраза сводилась к тому, что достаточно собрать «обещания» об уничтожении фракций, достаточно скомпановать центральные учреждения из самых разнокалиберных элементов, достаточно «уравновесить» противоположные элементы, – и к уничтожению фракций будет сделан серьезный шаг.

Годовой опыт показал и не мог не показать, что метод сторонников *фразы* потерпел полное крушение. На «обещаниях» ничего построить нельзя, на соединении разнородных и несоединимых элементов базировать что-либо смешно. Все, что было *на фразе* построено в решениях и мерах пленума, все это на другой же день оказалось мыльным пузырем. И решения, и резолюции, и искусственно скомпанованные учреждения оказались *на деле* мертвыми буквами, мертвыми учреждениями. А то, что было *реального* в делах пленума, то развилось, укрепилось, показало себя на работе, нашло себе новые формы существования *вне* резолюций, *помимо* них.

Трудно себе представить какой-либо более наглядный и более назидательный урок, чем этот урок событий, имевших место в течение года после пленума, урок, преподанный людям, увлекавшимся фразой, пустыми благопожеланиями, игрой в распределение местечек в учреждениях и т. п.

Что же было реального в делах пленума? Реально было указание *связи* между идейно-политическим *содержанием* партийной работы и уничтожением фракций. Реально было *сближение* тех фракций или течений, которые сходились не на дешевой примиренческой фразе, не на обещаниях и посулах, не на игре в распределение местечек в центрах, *а на работе*, сходились *в понимании* идейно-политических задач момента, сходились *на деле* в постановке этих задач, в решении их.

Пока об уничтожении фракций говорились велеречивые и дешевые фразы людьми, не понимавшими ни объективного источника разногласий, ни *фактической* обстановки, обеспечивавшей *на деле* независимость от партии известным литераторским группам (вроде группы г. Потресова и К^о или группы махистских и отзовистских литераторов^[281]), до тех пор фразы оставались пустыми, бессильными фразами. А с тех пор, как в двух основных и главных фракциях, наложивших свой отпечаток на *всю* историю рабочего движения во время революции и даже более того: на *всю* историю революции в России, стало нарастать, в силу изменения объективных условий, сближение *на работе*, сближение *в понимании* этих объективных условий, – никакие усилия интриганов, желающих подорвать это сближение или вызвать недоверие к нему, не смогут остановить начавшегося процесса.

* * *

Фактическое положение дел в партии, создавшееся после пленума, выяснилось за истекший год с полной ясностью. Факт – то, что голосовцы и впередовцы *подписали* резолюции о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом, на деле же *всю* свою пропаганду и агитацию, *всю* свою практическую работу вели и ведут именно в смысле поддержки и защиты ликвидаторства и отзовизма.

Этот факт показывает тем, кто имеет глаза, чтобы видеть, насколько несостоятельна политика, удовлетворяющаяся бумажными резолюциями, насколько вредна фраза, расходящаяся с делом.

Далее. Факт тот, что ни голосовцы ни впередовцы *ни на минуту* не прекращали своей фракционной самостоятельности. Обе фракции существуют по-прежнему в полнейшей фактической *независимости* от партии, имея свои кассы, свои органы, свои агентуры. У отзовистов формой их фракционной организации является заграничная так называемая «школа» (на деле это – учреждение для систематического подбора агентуры и планомерного ведения организационной работы помимо партии и против партии)^[29]. «Школа» дополняется отдельным издательством и транспортом. У голосовцев фракционная организация более *lose* (более «свободная», менее оформленная), причем главную роль играют абсолютно независимые от партии группа г. Потресова и К^о, группа 16-ти, группа Михаила, Романа и Юрия с К^о^[30]. Голосовцы принимают деятельнейшее участие в этих группах, ведя против партии всю пропагандистско-агитационную и организационную работу и в то же время не отказываясь от участия в партийных центрах для систематического подрыва их значения и разложения их изнутри.

Всякий партийный социал-демократ не может не видеть, к чему приводит такое положение дел.

В области литературы – годичный опыт показал, что ЦО ведется *на деле* большевиками *плюс* плехановцы^[31] *против* заседающих в редакции голосовцев. Жизнь обошла рамки, созданные примиренческой фразой: «примиренцы» по обещанию, «примиренцы» по должности, «примиренцы» по поручению ликвидаторских центров оказались сплошной *помехой работе*. Плеханов же и его единомышленники, никаких обещаний на пленуме не дававшие, никаких должностей не принимавшие, оказались *на деле проводниками* партийной линии.

Вопиющее противоречие между формой и сущностью, между фразой и делом, между явно лицемерным существованием якобы партийной коллегии (редакции ЦО) и фактической работой в ЦО помимо этой коллегии вносит величайшее разложение в партийную жизнь. Чтобы прекратить это разложение, это низведение формально партийных учреждений до роли, вызывающей заслуженные насмешки и ликование врагов партии, надо порвать с лицемерием и открыто сказать, что есть, открыто признать ведение партийной работы *двумя* фракциями.

В области заграничного объединения не сделано за год абсолютно ничего. Группы остаются расколоты везде, где они были расколоты и раньше. Группы меньшевиков-ликвидаторов открыто превратились в группы поддержки «Голоса». Сближение наметилось и началось *на деле* исключительно между большевиками и плехановцами. Заграничное бюро Центрального Комитета^[32] в качестве объединителя заграничной работы социал-демократов превратилось в посмешище, над которым законно издеваются и впередовцы и голосовцы, с удовольствием наблюдая, как партийный центр играет роль коллегии по делам провокаторским и по ведению никому не нужной бумажной волокиты.

В области наиболее важной, именно в работе организационной на местах в России за год не сделано абсолютно ничего в пользу партии. ЦК, который должен был *приглашать* Михайлов, Романов и Юриев на основании «обещаний», данных пленуму, усердно занимался этой благодарной и достойной революционера работой приглашения в партию тех, кто смеется над ней и продолжает вредить ей, но *за год* так и не успел никого «пригласить». А в это время антипартийные фракции *усилили* свои организации против партии: усилилась агентура и развилась фракция впередовцев, усилилась группа г. Потресова и другие ликвидаторские предприятия, продолжавшие вести проповедь против партии в ряде клубов, кооперативов и т. п., продолжавшие интриговать против партии у думской социал-демократической фракции. Роль ЦК, занимавшегося в это время «приглашением» ликвидаторов или *отпиской* по «склочным» делам голосовцев и впередовцев, есть роль прямо унижительная, и мы не должны позволить врагам партии сводить ЦК до этой роли.

Только люди, совершенно не имеющие способности думать или желающие заниматься мелкой интригой, могут еще *не видеть*, что продолжение такого состояния партийных центров *неминуемо* готовит торжество ликвидаторам и отзовистам, которые с удовольствием наблюдают, как ЦК запутался и продолжает путаться в примиренческой фразе, в *игре* на примирение с теми, кто не хочет мириться с партией.

Примиренческая фраза великолепно понята ликвидаторами и отзовистами и великолепно использована ими против партии. Герой этой фразы, Троцкий, стал вполне естественно героем и присяжным адвокатом ликвидаторов и отзовистов, с которыми он *ни в чем* не согласен теоретически и *во всем* согласен практически.

И ликвидаторы и впередовцы отлично усвоили себе, при благосклонной помощи этого адвоката, тактику: сколько угодно клясться и божиться, что они партийцы. Это повторяет «Голос» и платформа группы «Вперед», продолжая *на деле* разлагать партию и вести всю работу в антипартийном духе. Формальное и словесное «примиренчество» стало орудием ликвидаторов из «Голоса» и впередовцев.

Понятно, что играть эту роль одураченных мы, как представители большевистского течения, не можем. Выждав целый год, сделав все возможное для разъяснения антипартийности впередовцев, голосовцев и Троцкого со страниц ЦО, мы *не можем брать на себя ответственности* перед партией за учреждения, которые заняты «приглашением» ликвидаторов и отпиской «по делам» впередовцев. Мы хотим не склоки, а работы.

Мы хотим совместной работы с теми, кто хочет работать и на деле доказал свою способность работать в партийном духе, т. е. в первую голову с партийцами-меньшевиками и действительно нефракционными социал-демократами. Мы не хотим отвечать за склоку с теми, кто совместно с партией работать не хочет, а хочет работать с г. Потресовым и с отзовистами.

Положение дел в России таково, что от заграничных организаций партии настоятельно требуется усиленная и дружная работа. Трехлетний период золотых дней контрреволюции (1908–1910 гг.), видимо, приходит к концу и сменяется периодом начинающегося подъема. И летние стачки текущего года и демонстрации по поводу смерти Толстого ясно указывают на это. Организационная работа партии в России ослаблена до последней крайности, и этой слабостью пользуются самым беззастенчивым образом впередовцы и голосовцы, развивая свою антипартийную работу при помощи русских и заграничных фракционных центров.

При таких условиях тянуть далее игру в примирение с этими фракционными центрами, закрывать лицемерно глаза на их независимость, «приглашать» их представителей для совместной борьбы с их же политикой, прикрывать их перед партией приемом их членов в центры, – это значит осуждать себя на безысходную склоку. Это значит *тормозить* работу заграничных центров, и без того настолько заторможенную, что в течение года *ни одного* собрания ЦК в России не было, ни одной не только конференции, но даже частного совещания местных работников партии устроить не удалось (тогда как «школа» отзовистов и легальные органы ликвидаторов неоднократно успевали организовывать против партии всякого рода совещания, собрания агентов, корреспондентов журнала и т. п.).

Мы обязаны сложить с себя ответственность за этот *полный* застой работы запутавшихся игрой в примирение с голосовцами центров и начать немедленно самостоятельную и самую энергичную работу по сплочению ортодоксальных большевиков, партийных меньшевиков и нефракционных социал-демократов для устройства совещаний, конференций, областных бюро, групп сношений с партийной литературой и т. д. К такой работе, которая одна только способна *на деле* вывести партию из тупика и освободить центры от «ухаживания» за голосовцами, мы и зовем всех партийцев социал-демократов.

Еще от имени большевистской фракции, до пленума, весной 1909 г., мы провозгласили политику *сближения* с партийными меньшевиками, и с тех пор эта политика принесла огромные плоды, *вопреки* неудачной попытке довериться «обещаниям» голосовцев и рассматривать

их как партийцев. Все, что сделано с тех пор для действительного укрепления не впередовской проповеди и не голосовской защиты ликвидаторства, а *линии партии*, для действительного сближения основного ядра *обеих* главных фракций, все это сделано нами *независимо* от этих неудачных попыток примирения с голосовцами. И, снимая с себя ответственность за продолжение этих попыток, мы уверены, что достигнем еще большего сближения *на работе* и посредством «Рабочей Газеты», и посредством легальной литературы, и посредством заграничной деятельности групп сторонников «Рабочей Газеты» и сторонников Плеханова.

После пленума, поставившего с полной ясностью вопрос о фракциях и их уничтожении, поставившего этот вопрос впервые *в связи* с идейно-политической линией самих этих фракций, т. е. впервые на реальную почву учета *действительного сближения на работе*, а не пустых посулов, формальных обещаний и т. п. фразы, – после пленума и годичного испытания его результатов *нельзя* уже продолжать старой лицемерной игры в прятки.

Надо действовать открыто. Надо иметь смелость говорить, что есть. Если ЦК прямо и открыто захочет сказать партии то, что есть, это простое заявление будет в его руках орудием огромной силы, во сто крат более веским, чем какие бы то ни было резолюции, пожелания, осуждения, исключения и т. п.

Сказать то, что есть, значит признать, что попытка уничтожения *всех* фракций, к сожалению, сорвана голосовцами и впередовцами, *но сближение* основного ядра, сближение действительно партийных элементов из двух главных фракций, сближение их с партийными элементами из националов и нефракционных социал-демократов сделало шаг вперед. Если Троцкий и ему подобные адвокаты ликвидаторов и отзовистов объявляют это сближение «политически бессодержательным», то подобные речи только аттестуют всю беспринципность Троцкого, всю *реальную* враждебность его политики политике *действительного* (а не обещаниями только ограничивающегося) уничтожения фракций. *Обещать* это уничтожение после годового испытания итогов пленума значит просто шарлатанить. Но если уничтожение фракций есть фраза, то *сближение* основных течений в двух главных фракциях есть *факт*. Никаких «блоков», никаких велеречивых обязательств, никаких посулов исчезновения разногласий из этого факта не вытекает, но из него вытекает *реальная возможность* строить партию *на деле*, опираясь на сотрудничество *части* меньшевиков и *части* большевиков.

Если ЦК захочет с полной последовательностью вступить на путь такого признания и такой работы, захочет сделать все центральные учреждения органом такого сближения, освободить их совершенно от недостойного и вредного «ухаживания» за голосовцами или «приглашения» голосовцев, дать возможность работы без склоки, то мы всей душой и всеми силами поддержим эту политику, которую мы *на деле* провели с весны 1909 года, т. е. почти уже в течение целых двух лет.

Если ЦК не захочет сделать этого неизбежного вывода из уроков пленума и его результатов, то пусть он отдаст ведение партийной работы² и работы по восстановлению единства союзу голосовцев, впередовцев и Троцкого. Это будет прямее и честнее, а мы от этого союза, доказавшего на деле свою антипартийность, устранимся.

* * *

Мы нисколько не заблуждаемся, конечно, относительно того, что по поводу нашего шага некоторые люди (и среди них, наверняка, будут испытанные адвокаты ликвидаторов и отзовистов) поднимут крики о «расколе». Как ни нелепы, как ни лицемерны будут подобные крики, но в предупреждение неосведомленных людей на этих вероятных возражениях необходимо остановиться.

---

² Далее в рукописи не разобрана зачеркнутая строка. *Ред.*

С формальной стороны, наш шаг – заявка о возврате денег, о прекращении договора, заключенного нами на строго определенных условиях, – безусловно законный. Условия нашего договора с ЦК открыто заявлены, напечатаны в ЦО, приняты *единогласно* Центральным Комитетом на пленуме. Принимая эти *условия* от имени всей партии, печатая их в ЦО партии, ЦК тем самым признал с полнейшей определенностью, что только *при выполнении* на деле этих условий он может требовать от нас определенного образа действий. Никто не сможет отрицать, что голосовцами и впередовцами условия эти, вопреки подписанной ими резолюции, не выполнены. Наше формальное право *расторгнуть* договор поэтому бесспорно. Расторгая договор, мы выступаем для самостоятельной борьбы за партийность, для самостоятельной работы по постройке партии *без тех*, кто годичным опытом доказал свое нежелание над этим работать, с *теми* меньшевиками и нефракционерами, которые доказали обратное. Если договор, прямо и точно обусловленный переходом к партийности голосовцев и впередовцев, оказался *ими* нарушен, то наше полное право и *наша обязанность* расторгнуть договор с людьми, надсмеявшимися над партией, и искать всех возможных форм сближения с людьми, поддерживающими партию.

Но еще гораздо более важным, чем формальная сторона дела, является фактическое положение вещей. С *этой* стороны особенно ярко освещается лицемерность голосовцев и впередовцев, которые и на пленуме и после пленума продолжают заявлять в печати о своей партийности. Лицемерие таких заверений, вопиющая фальшь криков о расколе со стороны *таких* людей до того очевидны, что об этом не стоит тратить много слов. Именно голосовцы и впередовцы создали сейчас же после пленума, – вернее: не переставали создавать, вопреки своим посулам на пленуме, – раскол фактический, именно они в течение всего года продолжали этот раскол, усиливали его, поддерживали *независимость* от партии группы Потресова и К^о, группы литераторов, строителей «махистской» школы и т. д. и т. п. Допускать далее пребывание таких раскольников в партийных центрах значит окончательно губить дело партии. Оставлять прежнее положение, когда эти раскольники пользовались своим пребыванием в партийных центрах для тормоза всякой работы, для *разложения партии изнутри* в угоду г. Потресову или вождям «махистской» школы, – значит наносить величайший и непоправимый ущерб делу партийного объединения.

Давно уже сказано: не всяк, глаголющий «господи, господи», внидет в царствие небесное. И мы, после опыта пленума, должны повторить: не всяк, глаголющий дешевые фразы о партийности, партиец на деле. Голосовцы и впередовцы партию раскололи после пленума. Это факт. Троцкий был их адвокатом в этом деле. Это тоже факт.

Чтобы остановить раскол, чтобы помешать его распространению, *нет* иного средства, как укрепить, упрочить, формально утвердить сближение тех, кто *на деле* вел партийную работу после пленума, т. е. партийцев-меньшевиков и большевиков.

* * *

Оповещая о нашем взгляде на дела в партии всех партийных меньшевиков, нефракционных партийцев социал-демократов и большевиков, а также все национальные социал-демократические организации, мы приглашаем группы большевиков в России немедленно начать сплачиваться вокруг «Рабочей Газеты» и приступить к подготовке тех совещаний и конференций, которые необходимы для восстановления партии и которые неизбежно, в силу данного положения вещей, должны начаться с самых скромных, неофициальных и неформальных попыток. Подробнее говорить о характере этих попыток в печати неуместно.

Мы приглашаем заграничные группы большевиков перестроиться таким образом, чтобы прекратить всякую связь с вполне доказавшими свою антипартийность впередовцами и, без помехи со стороны этих защитников отзовизма, начать систематическую работу по укреп-

лению партии, сближению с партийцами других фракций, созданию общих клубов, лекций, рефератов и т. п., начать подготовительные шаги к действительному заграничному объединению всех, не идущих за «Впередом» и за «Голосом». Если там, где есть голосовцы, неизбежно существование двух параллельных групп, то большевикам неприлично терпеть долее в своих группах антипартийных впередовцев. Они могут себе найти приют у голосовцев.

Редакция «Рабочей Газеты»

Написано в ноябре, позднее 22 (5 декабря), 1910 г.

Впервые напечатано 21 января 1932 г. в газете «Правда» № 21

Печатается по рукописи

Л. Н. Толстой и современное рабочее движение^[33]

Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, – к мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью *поставил* целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства. В общем и целом это отношение выражено в напечатанной в газетах телеграмме, посланной рабочими депутатами III Думы^[34].

Л. Толстой начал свою литературную деятельность при существовании крепостного права, но уже в такое время, когда оно явно доживало последние дни. Главная деятельность Толстого падает на тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами. В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху.

В чем сказывались переживания крепостного права? Больше всего и яснее всего в том, что в России, стране по преимуществу земледельческой, земледелие было за это время в руках разоренных, обнищавших крестьян, которые вели устарелое, первобытное хозяйство на старых крепостных наделах, урезанных в пользу помещиков в 1861 году. А, с другой стороны, земледелие было в руках помещиков, которые в центральной России обрабатывали земли трудом крестьян, крестьянской сохой, крестьянской лошастью за «отрезные земли», за покосы, за водопой и т. д. В сущности, это – старая крепостническая система хозяйства. Политический строй России за это время был тоже насквозь пропитан крепостничеством. Это видно и по государственному устройству до первых приступов к изменению его в 1905 году, и по преобладающему влиянию дворян-землевладельцев на государственные дела, и по всевластию чиновников, которые тоже были главным образом – особенно высшие – из дворян-землевладельцев.

Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность.

Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя.

Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы. Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мирозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещицкой знати в России, – он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь.

Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широ-

ких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние – вот что слилось в учении Толстого.

Представители современного рабочего движения находят, что протестовать им есть против чего, но отчаиваться не в чем. Отчаяние свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет во всяком капиталистическом обществе, в том числе и в России. Отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться. Современный промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит.

«Наш Путь» № 7, 28 ноября 1910 г. Подпись: В. И—ин

Печатается по тексту газеты «Наш Путь»

Письмо в российскую коллегию ЦК РСДРП^[35]

В заграничной жизни Российской социал-демократической рабочей партии произошли за самое последнее время события, явно свидетельствующие о том, что «объединительный кризис» партии близится к развязке. Поэтому я считаю своим долгом сообщить вам, исключительно в целях информации, – какое значение имеют последние события, какова должна быть (по всему ходу вещей) предстоящая развязка и какую позицию занимают ортодоксальные большевики.

В № 23 «Голоса» Мартов в статье «Куда пришли?» издевается над пленумом – над тем, что российская коллегия ЦК за год ни разу не собралась и что ничего для проведения решений в жизнь не сделано. Он «забывает», разумеется, добавить, что именно ликвидаторская группа гг. Потресовых и сорвала русский ЦК: известный факт отказа Михаила, Романа и Юрия и их заявление, что самое существование ЦК вредно. ЦК в России сорван. Мартов ликует по поводу этого. Что ликуют также впередовцы, об этом нечего и говорить (в № 1 сборника «Вперед» это ликование уже чувствуется). Ликуя, Мартов чересчур поспешил проболтаться. Он кричит в восторге «легальность их (большевиков или «польско-большевистский блок») убивает». Под этим он понимает то, что *благодаря срыву* ЦК ликвидаторами *легального* партийного выхода из создавшегося положения нет. А ликвидаторам, разумеется, нет ничего приятнее, как безвыходное положение партии.

Но Мартов чересчур поспешил. У большевиков есть еще в руках архилегальное, специально предусмотренное пленумом и напечатанное (от имени пленума) в № 11 Центрального Органа средство. Это средство – заявка о возврате денег ввиду явного невыполнения голосовцами и впередовцами условия о распусчении фракций и о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом. Ибо именно на этих *условиях*, точно оговоренных, большевики передали свое имущество в ЦК.

И вот 5 декабря 1910 года (нового стиля) большевики, подписавшие условия на пленуме, подали заявку о возврате денег. По закону эта заявка *ведет к созыву пленума*. Если же, гласит решение пленума, «не удастся» (буквально!) в течение 3-х месяцев со дня заявки созвать пленум, то созывается комиссия из 5 членов ЦК: трое от националов, 1 большевик и 1 меньшевик.

Голосовцы тут сразу себя и выдали. Голосовец Игорь, член ЗБЦК, прозревая политику русских ликвидаторов, подал заявление, что он против пленума. Он-де за комиссию. Срыв легальности голосовцами тут явный, ибо созвать пленум можно и до истечения трех месяцев. После заявки нельзя даже поднимать вопроса о комиссии.

Расчет ликвидатора Игоря, служащего верную службу изменникам партии, гг. Потресову и К^о, очень простои: пленум суверенен и, следовательно, созыв его открывает возможность выхода из всего партийного кризиса. Комиссия же не суверенна, никаких прав, кроме разбора претензии о заявке (решают ее, эту претензию, трое немцев), не имеет. Значит, сорвав русский ЦК, ликвидаторы (и их заграничные слуги – голосовцы) срывают теперь всякий ЦК. Удается ли этот второй срыв, мы еще посмотрим. Поляки в ЗБЦК^[36] голосуют за пленум. Зависит теперь от латышей и бундистов^[37], от коих ответа еще нет. Наш представитель в ЗБЦК^[38] подал и разослал решительный протест против Игоря (и заявление Игоря и этот протест при сем прилагаются в копии).

Вопрос встал ясно. Борьба за пленум есть борьба за легальность, борьба за партию. Борьба голосовцев против пленума есть борьба против партийного выхода из кризиса, против легальности.

Плеханов и его друзья, которых мы извещали о каждом шаге, вполне согласны с нами насчет необходимости пленума. Они тоже за пленум; проект нашего общего выступления в

этом смысле обсуждается теперь, и в ближайшем будущем либо мы выступим с заявлением вместе с плехановцами, либо будет статья в Центральном Органе по этому вопросу.

Далее, 26 ноября (нового стиля) 1910 года Троцкий провел в так называемом венском партийном клубе (кружок троцкистов, заграничников, – пешки в руках Троцкого) резолюцию, которую он и издал отдельным оттиском. Прилагаю его.

Здесь открыто объявлена война «Рабочей Газете», органу большевиков и плехановцев. Доводы не новы. Заявление, что «принципиальной основы» для борьбы с голосовцами и впередовцами теперь нет – верх комизма и лицемерия. Всем известно, что голосовцы и впередовцы и не думали распускать своих фракций, что голосовцы целиком поддерживают на деле ликвидаторов, Потресова и К^о, что впередовцы устроили (на средства известного сорта) фракционную школу за границей, в которой учат махизму, учат о том, что отзовизм – «законный оттенок» (буквально из их платформы) и т. д. и т. п.

Призыв Троцкого к «дружной» работе партии с голосовцами и впередовцами есть возмутительное лицемерие и фраза. Всем известно, что за весь год после пленума голосовцы и впередовцы (при тайной поддержке Троцкого) работали «дружно» против партии. Действительно, дружную партийную работу вели целый год вместе только большевики и плехановцы и в Центральном Органе, и в «Рабочей Газете», и в Копенгагене^[39], и в русских легальных органах.

Но если не новы выходки Троцкого против блока большевиков и плехановцев, то ново заключение его резолюции: венский клуб (сиречь Троцкий) организовал «общепартийный фонд для подготовки и созыва конференции РСДРП».

Это вот ново. Это прямое выступление на раскол. Это прямое нарушение партийной легальности и начало авантюры Троцкого, который сломает себе на ней шею. Понятно, что это раскол. Шаг Троцкого, «фонд» Троцкого поддерживают только голосовцы и впередовцы. Об участии беков и плехановцев не может быть и речи. Ликвидаторы (голосовцы) в Цюрихе уже поддерживали Троцкого, – это понятно. Вполне возможно и вероятно, что «известные» «фонды» впередовцев раскроются для Троцкого. От этого авантюристический характер его затеи, вы понимаете, только усилится.

Ясно, что эта затея нарушает партийную легальность, ибо о ЦК не говорится ни слова. Созывать конференцию может лишь ЦК. Мало того, Троцкий, прогнавший от себя в августе 1910 года представителя ЦК при «Правде»^[40], сам потерял тем самым всякую легальность, превратив «Правду» из органа, поддерживаемого представителем ЦК, в орган чисто фракционный.

Итак: дело обрисовалось, положение выяснилось. Впередовцы собрали «известные» «фонды» для борьбы с партией, для защиты «законного оттенка» (отзовизма). Троцкий в последнем № «Правды» (и на реферате в Цюрихе) кокетничает с впередовцами вовсю. Ликвидаторы в России сорвали русский ЦК. Ликвидаторы за границей сорвать хотят заграничный пленум, т. е. всякий ЦК. Пользуясь этим «разрушением легальности», Троцкий берется за организационный раскол, основывая «свой» фонд для «своей» конференции.

Роли распределены. Голосовцы защищают Потресова и К^о как «законный оттенок». Впередовцы защищают отзовизм как «законный оттенок». Троцкий хочет «популярно» защищать тех и других и созвать свою конференцию (может быть на впередовские деньги). Тройственный союз (Потресов + Троцкий + Максимов) против двойственного (беки плюс плехановцы). Диспозиция окончена. Борьба начата.

Вы понимаете, почему я называю шаг Троцкого авантюрой. Это – во всех смыслах авантюра.

Это – авантюра в смысле идейном. Троцкий группирует всех врагов марксизма, объединяя Потресова и Максимова, ненавидящих «ленинско-плехановский» (как они любят выражаться) блок. Троцкий объединяет всех, кому дорог и люб идейный распад; всех, кому нет дела до защиты марксизма; всех обывателей, не понимающих из-за чего борьба и не желающих

учиться, думать, доискиваться идейных корней расхождения. В наше время разброда, распада и шатаний, Троцкий легко может оказаться «героем на час», сплотить всю пошлость вокруг себя. Но провал этой попытки будет тем грандиознее, чем откровеннее она будет сделана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Речь идет о Центральном Органе РСДРП – нелегальной газете «Социал-Демократ». Газета издавалась с февраля 1908 по январь 1917 года. Первый номер, подготовленный большевиками и частично уже отпечатанный в Вильно в частной типографии, был конфискован царской охранкой. Вскоре в Петербурге была сделана вторая попытка выпустить газету. Большая часть напечатанного тиража также попала в руки жандармов. В дальнейшем издание газеты было перенесено за границу: №№ 2–32 (февраль 1909 – декабрь 1913) вышли в Париже, №№ 33–58 (ноябрь 1914 – январь 1917) – в Женеве. Всего вышло 58 номеров, из них 5 имели приложения.

2.

«Русские Ведомости» – газета; выходила в Москве с 1863 года, выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции. В 80–90-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря В. Г. Короленко, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский и др., печатались произведения либеральных народников. С 1905 года газета являлась органом правого крыла кадетов. Ленин указывал, что «Русские Ведомости» своеобразно сочетали «правый кадетизм с народническим налетом» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 111). В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты вместе с другими контрреволюционными газетами.

3.

Трудовики (Трудовая группа) – группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах, состоявшая из крестьян и интеллигентов народнического толка. Фракция трудовиков образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы.

4.

«Голос Москвы» – ежедневная газета, орган октябристов; выходила в Москве с 1906 по 1915 год.

5.

Кадеты – члены конституционно-демократической партии, ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были: П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. Для обмана трудящихся масс кадеты присвоили себе фальшивое название «партия народной свободы», на самом деле они не шли дальше требования конституционной монархии. Своей главной целью кадеты считали борьбу с революционным движением и стремились поделить власть с царем и помещиками-крепостниками. В годы первой мировой войны кадеты активно поддерживали захватническую внешнюю политику царского правительства. В период Февральской буржуазно-демократической революции они старались спасти монархию. Занимая руководящее положение в буржуазном Временном правительстве, кадеты проводили антинародную, контрреволюционную политику, угодную американско-англо-французским империалистам. После победы Октябрьской социалистической революции кадеты выступали непримиримыми врагами Советской власти, принимали активное участие во всех вооруженных контрреволюционных выступлениях и походах интервентов. Находясь после разгрома интервентов и белогвардейцев в эмиграции, члены партии кадетов не прекращали своей антисоветской контрреволюционной деятельности.

6.

«Речь» – ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля (8 марта) 1906 года под фактической редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена, при ближайшем участии М. М. Винавера, П. Д. Долгорукова, П. Б. Струве и других. Газета была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. До августа 1918 года продолжала выходить под разными названиями: «Наша Речь», «Свободная Речь», «Век», «Новая Речь», «Наш Век».

7.

«Россия» – ежедневная газета реакционного, черносотенного характера; выходила в Петербурге с ноября 1905 по апрель 1914 года. С 1906 года – орган министерства внутренних дел. Газета субсидировалась из секретного («рептильного») фонда правительства, отпущенного в распоряжение министра внутренних дел. В. И. Ленин называл «Россию» «полицейски-продажной газеткой».

8.

Речь идет о III Государственной думе (официальное название – Государственная дума третьего созыва). III Дума работала с 1 (14) ноября 1907 по 9 (22) июня 1912 года (всего было пять сессий). Избранная на основе третьеиюньского избирательного закона, III Дума была черносотенно-октябристской по своей классовой природе и партийному составу; она являлась послушным орудием царского правительства в проведении его контрреволюционной политики насилия и репрессий по отношению к революционным силам России.

9.

Октябристы – члены партии «Союз 17 октября», образовавшейся в России после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года. Это была контрреволюционная партия, представлявшая и защищавшая интересы крупной буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически; возглавляли ее известный промышленник и московский домовладелец А. И. Гучков и крупный помещик М. В. Родзянко. Октябристы полностью поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства.

10.

Прогрессисты – политическая группировка русской либерально-монархической буржуазии, которая на выборах в Государственные думы и в Думах пыталась объединить под флагом «беспартийности» элементы из разных буржуазно-помещичьих партий и групп.

11.

Польское коло – объединение польских депутатов в Государственных думах. Основное ядро в этом объединении составляли народовцы – члены реакционной, националистической партии польских помещиков и буржуазии. По всем основным вопросам думской тактики Польское коло поддерживало октябристов.

12.

Государственная дума (так называемая витевская Дума) была созвана 27 апреля (10 мая) 1906 года по положению, разработанному председателем Совета министров С. Ю. Витте.

13.

Магдебургский съезд Германской социал-демократической партии состоялся 18–24 сентября 1910 года. В центре внимания работы съезда были два вопроса: 1) о нарушении партийной

дисциплины социал-демократическими депутатами Баденского ландтага и 2) о борьбе за всеобщее избирательное право в Пруссии.

14.

Исключительный закон против социалистов был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература; за годы действия исключительного закона было распущено около 350 социал-демократических организаций, около 900 социал-демократов было выслано из Германии и 1500 брошено в тюрьмы, сотни газет, журналов и неперIODических изданий были запрещены. Однако преследования и репрессии не сломили социал-демократическую партию, деятельность которой была перестроена применительно к условиям нелегального существования: за границей издавался центральный орган партии газета «Социал-Демократ» и регулярно собирались партийные съезды (1880, 1883 и 1887); в Германии, в подполье, быстро возрождались социал-демократические организации и группы, во главе которых стоял нелегальный ЦК. Работая в подполье, партия широко использовала легальные возможности для укрепления связи с массами, и ее влияние непрерывно росло: число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в рейхстаг, увеличилось с 1878 по 1890 год более чем в три раза. Огромную помощь немецким социал-демократам оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1890 году под напором массового и все усиливавшегося рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен.

15.

Национал-либералы – партия немецкой, в первую очередь прусской, буржуазии, образовавшаяся осенью 1866 года в результате раскола буржуазной партии прогрессистов. Национал-либералы ставили своей основной целью объединение немецких государств под главенством Пруссии; их политика отражала капитуляцию немецкой либеральной буржуазии перед Бисмарком. В 1878 году они голосовали за введение исключительного закона против социалистов. В дальнейшем национал-либералы стали партией германского монополистического капитала. Они были сторонниками империалистической внешней политики Германии, выступали за увеличение вооружений и расширение колониальных захватов. После Ноябрьской революции 1918 года большая часть национально-либеральной партии приняла новое название – «Народная партия». В 1933 году «Народная партия» способствовала захвату власти фашистами.

16.

«Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte») – журнал, главный орган немецких оппортунистов и один из органов международного ревизионизма. Выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. Во время первой мировой войны (1914–1918) занимал социал-шовинистскую позицию.

17.

См. работу Ф. Энгельса «Социализм в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 245). Эту же мысль Энгельс повторил в «Введении» к брошюре К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 108–109).

18.

«Голос Социал-Демократа» – газета, заграничный орган меньшевиков; выходила с февраля 1908 по декабрь 1911 года сначала в Женеве, затем в Париже. Редакторами ее были П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Л. Мартов, А. Мартынов и Г. В. Плеханов. С первого номера «Голос Социал-Демократа» встал на защиту ликвидаторов, оправдывая их антипартийную деятельность. После выхода из редакции Плеханова, осудившего ликвидаторскую позицию газеты, «Голос Социал-Демократа» окончательно определился как идейный центр ликвидаторов.

19.

«Die Neue Zeit» («Новое Время») – теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем – Г. Куновым. В «Die Neue Zeit» были впервые опубликованы некоторые произведения основоположников марксизма: «Критика Готской программы» К. Маркса, «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Ф. Энгельса и др. Энгельс помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускавшиеся в журнале отступления от марксизма. В «Die Neue Zeit» сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX – начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Г. В. Плеханов, П. Лафарг и др. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов.

20.

«Господин Купон» – образное выражение, принятое в литературе 80-х и 90-х годов XIX в. для обозначения капитала и капиталистов. Выражение «господин Купон» пустил в ход писатель Глеб Успенский в очерках «Грехи тяжкие» (впервые напечатаны в журнале «Русская Мысль», 1888, книга 12, стр. 174). См. также очерк Глеба Успенского «На Кавказе».

21.

Веховцы – видные кадетские публицисты, представители контрреволюционной либеральной буржуазии Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве и С. Л. Франк, выпустившие весной 1909 года в Москве сборник своих статей под названием «Вехи». В этих статьях, посвященных русской интеллигенции, «веховцы» пытались опорочить революционно-демократические традиции освободительного движения в России, взгляды и деятельность В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева; они оплеывали революционное движение 1905 года, благодарили царское правительство за то, что оно «своими штыками и тюрьмами» спасло буржуазию «от ярости народной». Критический разбор и политическую оценку сборника кадетских черносотенцев В. И. Ленин дал в статье «О «Вехах»» (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 167–175). Сравнивая программу «Вех» в философии и в публицистике с программой черносотенной газеты «Московские Ведомости», Ленин называл сборник «энциклопедией либерального ренегатства», «сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию». В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится экземпляр сборника «Вехи» с многочисленными пометками Ленина.

22.

«Новое Время» – ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно-либеральная, газета, после того как ее издателем в 1876 году стал А. С. Суворин, превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года – орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года газета поддерживала контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. В. И. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. ««Нововременство», – писал он, – стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» (Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 251).

23.

Пленум ЦК РСДРП, известный под названием «объединительного», состоялся 2–23 января (15 января – 5 февраля) 1910 года в Париже.

24.

Отзовизм – оппортунистическое течение, возникшее среди большевиков. Прикрываясь революционными фразами, отзовисты (А. Богданов, Г. А. Алексинский, А. В. Соколов (С. Вольский), А. В. Луначарский, М. Н. Лядов и другие) требовали отзыва социал-демократических депутатов из III Государственной думы и прекращения работы в легальных организациях. Заявляя, что в условиях реакции партия должна вести только нелегальную работу, отзовисты отказывались от участия в Думе, в рабочих профессиональных союзах, кооперативных и других массовых легальных и полулегальных организациях и считали необходимым сосредоточить всю партийную работу в рамках нелегальной организации. Разновидностью отзовизма являлся ультиматизм. Ультиматисты отличались от отзовистов лишь по форме. Они предлагали предъявить социал-демократической думской фракции ультиматум о беспрекословном подчинении фракции решениям Центрального Комитета партии и в случае невыполнения его отозвать социал-демократических депутатов из Думы. Ультиматизм фактически был прикрытым, замаскированным отзовизмом. Ленин называл ультиматистов «стыдливymi отзовистами».

25.

Впередовцы, группа «Вперед» – антипартийная группа отзовистов, ультиматистов и богостроителей; организована по инициативе А. Богданова и Г. А. Алексинского в декабре 1909 года, после развала отзовистско-ультиматистского фракционного центра – школы на Капри; имела печатный орган того же названия.

26.

«Рабочая Газета» – нелегальный популярный орган большевиков; издавалась неперiodически в Париже с 30 октября (12 ноября) 1910 года по 30 июля (12 августа) 1912 года; вышло 9 номеров. Инициатором создания «Рабочей Газеты» был В. И. Ленин. Официально вопрос об ее издании был решен на совещании представителей РСДРП – большевиков, меньшевиков-партийцев, представителей социал-демократической думской фракции и др. – во время международного социалистического конгресса в Копенгагене (август 1910). В совещании участвовали: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, Н. Г. Полетаев, И. П. Покровский и другие.

27.

Имеются в виду резолюции V Общероссийской конференции РСДРП, которая состоялась в Париже 21–27 декабря 1908 года (3–9 января 1909). На конференции присутствовало 16 делегатов с решающим голосом, из них 5 большевиков (2 от Центрально-промышленной области, 2 – от петербургской организации, 1 – от уральской), 3 меньшевика по мандатам от Кавказского областного комитета, 5 польских социал-демократов и 3 бундовца. Делегаты-большевики, непосредственно работавшие в России, представляли крупнейшие партийные организации РСДРП. Меньшевистская делегация, получившая мандаты путем различных фальсификаций, состояла из лиц, живших за границей и не связанных с партийной работой в России. Делегация польской социал-демократии поддерживала на конференции большевиков. Бундовцы по многим вопросам шли за меньшевиками-ликвидаторами.

28.

Имеется в виду группа литераторов-отзовистов, сторонников махизма.

29.

Имеется в виду школа, организованная в 1909 году на острове Капри (Италия) отзовистами, ультиматистами и богостроителями («школа в NN»).

30.

Группа 16-ти – группа меньшевиков-ликвидаторов, подписавших открытое письмо в ответ на выступление Г. В. Плеханова в № 9 «Дневника Социал-Демократа» (август 1909 года) против ликвидаторов и их лидера А. Н. Потресова. Письмо 16-ти было опубликовано в «Голосе Социал-Демократа» № 19–20 (январь – февраль 1910). Ленин называл это письмо «геростратовски знаменитым» документом.

31.

Плехановцы – меньшевики-партийцы, во главе с Г. В. Плехановым выступившие в годы реакции против ликвидаторов. В декабре 1908 г. Плеханов вышел из редакции ликвидаторской газеты «Голос Социал-Демократа» и в 1909 г. возобновил издание «Дневника Социал-Демократа» для борьбы против ликвидаторов. Оставаясь на позициях меньшевизма, плехановцы в то же время стояли за сохранение и укрепление нелегальной партийной организации и шли с этой целью на блок с большевиками. В 1909 году группы меньшевиков-партийцев образовались в Париже, Женеве, Сан-Ремо, Ниццей др. городах. В Петербурге, Москве, Екатеринославе, Харькове, Киеве, Баку многие рабочие-меньшевики выступили против ликвидаторов, за возрождение нелегальной РСДРП

32.

Заграничное бюро Центрального Комитета РСДРП (ЗБЦК) было учреждено пленумом ЦК РСДРП в августе 1908 года в качестве общепартийного представительства за границей (в составе трех человек), подчиненного Русскому бюро ЦК. В обязанности ЗБЦК входило поддержание постоянной связи с действующим в России Центральным Комитетом и членами ЦК, работающими за границей, наблюдение за деятельностью заграничных групп содействия РСДРП и их Центрального бюро, прием денежных отчислений заграничных организаций в кассу ЦК и организация денежных сборов в пользу Центрального Комитета. С целью объединения всех заграничных групп содействия РСДРП и подчинения их единому общепартийному руководству августовский пленум ЦК (1908) поручил ЗБЦК провести специальный съезд этих групп. Но в течение 1909 года ЗБЦК не удалось созвать съезд вследствие упорного сопротивления Центрального бюро заграничных групп, захваченного меньшевиками-ликвидаторами.

33.

Статья «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» была напечатана в газете «Наш Путь».

34.

Речь идет о телеграмме, посланной социал-демократическими депутатами III Думы в Астапово на имя В. Г. Черткова – близкого друга и последователя Л. Н. Толстого. В ней говорилось: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства русского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого, непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых».

35.

Российская коллегия ЦК – действовавшая в России коллегия членов и кандидатов ЦК, выбранных на V (Лондонском) съезде РСДРП (1907); первоначально сформирована на пленуме ЦК РСДРП в августе 1908 года в составе пяти членов (1 меньшевик, 1 большевик и 3 представителя национальных организаций). Согласно уставу Центрального Комитета, принятому Январским пленумом ЦК 1910 года, Российская коллегия должна была состоять из 7 членов (4 члена ЦК и 3 представителя национальных организаций). Коллегии, в случае выбытия кого-либо из ее членов, предоставлялось право кооптации. Однако после Январского пленума ЦК организовать работу Российской коллегии не удалось. Всю общепартийную работу в России (подбор агентов, проезд организаций, связь с думской социал-демократической фракцией и др.) вели члены и кандидаты ЦК – большевики; вначале И. П. Гольденберг (Мешковский), И. Ф. Дубровинский (Иннокентий), потом после их ареста В. П. Ногин (Макар) и Г. Д. Лейтейзен (Линдов), которые составляли в 1910–1911 годах Русское бюро ЦК. Меньшевики-ликвидаторы – члены и кандидаты ЦК устранились от работы, а И. А. Исув (Михаил), П. А. Бронштейн (Юрий) и К. М. Ермолаев (Роман) не только отказались участвовать в работе, но и заявили, что считают само существование ЦК вредным. Все попытки бюро создать Российскую коллессию не увенчались успехом.

36.

Имеются в виду члены ЗБЦК – представители польской социал-демократии.

37.

Имеются в виду члены ЗБЦК – представители Социал-демократии Латышского края и Бунда.

38.

Имеется в виду представитель большевиков в Заграничном бюро ЦК РСДРП Н. А. Семашко.

39.

Имеется в виду международный социалистический конгресс в Копенгагене (VIII конгресс II Интернационала), который происходил с 28 августа по 3 сентября 1910 года. На конгрессе присутствовало 896 делегатов, которые представляли страны Европы, Северной и Южной Америки, Южной Африки и Австралии. Россия наравне с Австрией, Англией, Германией и Францией располагала на конгрессе 20 голосами: из них социал-демократы (включая литовскую и армянскую с.-д.) имели 10 голосов, эсеры – 7, профсоюзы – 3 голоса. РСДРП на конгрессе представляли В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский и другие.

40.

«Правда» (венская) – фракционная газета троцкистов; издавалась в 1908–1912 годах. Первые три номера напечатаны во Львове, затем издание было перенесено в Вену (Австрия); всего вышло 25 номеров. Газета, кроме двух первых номеров, вышедших в качестве органа украинского союза «Спилка», не представляла какой-либо партийной организации России и являлась, по выражению В. И. Ленина, «частным предприятием». Редактором газеты был Л. Д. Троцкий.